

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

Река
Тишина

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

•
В МОМАНТЕ
ГОДА
•

ЛЕОНИД
МАРТЫНОВ

Река
Тишина

СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ
1919—1936

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

84P7
M29

М $\frac{4702010200-151}{078(02)-83}$ 217-83

РОДИЛСЯ ПОЭТОМ

Мартынов, раннее творчество...

Но все дело в том, что Мартынов родился поэтом, и вот создается такое ощущение, что, если бы он умел говорить в младенчестве, он говорил бы только стихами.

Конечно, Мартынов ранний, зрелый и поздний — это разная поэзия, но это всегда поэзия и всегда поэт, причем один и тот же — тот же голос, то же дыхание, те же слух и зрение, хотя все это, вся поэтическая природа его и изменяется, но никогда не изменяет самой себе.

Как в 15—16 лет Мартынов начал вести свои разговоры не только с людьми, но и со всеми окружающими его предметами мира, так он и продолжал его до конца дней своих.

Сборник этот открывается такими строками:

Суббота бегала на босу ногу,
Чтоб не стоптать воскресных каблучков...

Это было сказано в 1919 году четырнадцатилетним мальчиком.
В 1921-м:

Сахарин —
Это горькие слезы,
Истолченные в порошок.

В 1925-м:

Я, норд-ост, родился в тундре,
Но ее покинул вскоре,
Чтоб иные видеть зори
На далеком Черном море.

— Как ваше здоровье, — спросил я, — деревья?
Деревья молчали вначале.
Скучали? Презреньем встречали?
Едва ли.
Они тосковали.
Вдруг скрипнула ива:
— Здорова!
И сосны ворчливо:
— Мы живы!

Для Мартынова никогда не существовало глухой стены между одушевленными и неодушевленными предметами, потому что перед ним однажды возник, а потом уже и никогда не исчезал единственный предмет — мир, с которым он еще ребенком нашел общий язык, нашел интонацию этого языка, да так и прожил с этой находкой всю жизнь, почти шестьдесят лет прожил в поэзии.

И это касалось не только тех или иных предметов, живых или мертвых, но и событий, которые с ними происходили.

Произошел ли небольшой житейский случай или событие исторического значения, Мартынов, ничуть не умаляя этого значения, умеет, однако же, привести их к одному знаменателю, то есть к миру, к закону его Существования.

При этом он никогда не спрашивал: а понимаем ли мы, читатели, сго, поэта Леонида Мартынова?

Нет, в нем жило убеждение другого рода: человек обязан понимать поэзию, и такая точка зрения — это тоже свойство поэзии врожденной и природной, а не приобретенной.

Конечно, Мартынов кое-что и ставил под сомнение, без этого не бывает, и он тоже говорил:

О, жизнь осенний свой разлив
Взметнет к невиданным пределам,
Когда, толпе мечтать внушив,
Мечтатели займутся делом!

Или:

**Ты этой книгой никого не спас,
Писатель слов и сочинитель фраз...**

Но и тут нет извинений перед читателем, а только сомнения перед лицом самого себя.

А тогда чем же все-таки ранний Мартынов отличается от зрелого?

На этот вопрос, кажется мне, каждый сможет ответить сам себе, познакомившись с настоящим сборником, который и вышел-то в предположении, что читатель уже хорошо знаком с поэтом и что он хочет еще и еще раз это знакомство продолжить и углубить.

Конечно, это трудное, это очень условное дело — обозначить тот пункт, в котором кончилось начало творчества и началась зрелость, началось то, что так широко известно и так глубоко признано в нашей, да и не только в нашей стране.

Да и вообще что это значит — раннее творчество поэта? У всех больших поэтов в их творчестве всю жизнь сохраняется юность, может быть, даже в той же самой мере, в которой юность несет все качества будущей зрелости и мудрости.

Повторяю: этот сборник побуждает нас к размышлениям именно такого рода.

Вот: «Суббота бегала на босу ногу...»,
а вот: «Поручик отставной Петров с учениками был суров,
не уставал напоминать: — Политику извольте знать!..»

(«Правдивая история об Увенькае», 1936 г.)

Мы, конечно, сразу же заметим разные мастерство, опыт, умение.

Конечно, это так, это — само собою.

Но вот еще что: а к чему прежде всего приложены эти новые, вновь и вновь обретаемые мастерство, опыт и мудрость? Мне кажется, прежде всего к воображению, к фантазии. К той поэтической фантазии, которая делает реальность смелее, невероятнее и потому убедительнее.

Такой парадокс.

А что из того, что — парадокс?

Мартынов всегда горячо любил, тонко понимал, а иногда и бесконечно обожал парадоксы, и это не было для него ни баловством и ни поэтической причудой, а было истинной поэзией, было увиденной и услышанной правдой окружающего мира.

Однако лучше всего, думается мне, начинать чтение сборника без какого-то предварительного о нем мнения, без предварительных умозаключений. Пусть все это явится к читателю, даже и хорошо знакомому с Мартыновым, как бы впервые, пусть снова и снова совершится для него открытие поэта.

Сергей З а л ы г и н

СТИХОТВОРЕНИЯ

СУББОТА

Суббота бегала на босу ногу,
Чтоб не стоптать воскресных каблучков,
Кой-кто еще хотел молиться богу
И делал книгу целью для очков.

Но вообще рождалось опасенье
У всех, кто бросил думать о труде,
Что будет жарким это Воскресенье
И даже пламень грянет кое-где!

1919

* * *

Бегут вассалы Колчака,
В звериные одеты шкуры,
И дезертир из кабака
Глядит на гибель диктатуры.

А ты, Пьеро, манерный плакса,
Ты слышишь орудийный гром,
Ты слышишь, бьет тревожный «максим»
Там, на холмах за Иртышом!

Неяркий свет лежал в равнинах,
А в городе он был багров,
И, путаясь в одеждах длинных,

Толпа крикливых Арлекинов
Выматывалась со дворов.

И лес лилов, и снег стал розов,
И розовая ночь была,
И с отступающих обозов
Валились мертвые тела.

За взрывом взрыв над полем боя
Взлетал соперником луне,
И этот бой покрыл былое,
И день настал
В другой стране.

1919

* * *

Выдвинутые подбородки,
Суковатые кулаки...
Это было в рабочей слободке
Над гранитным бортом реки.

Сцапали фараона:
— А ну-ка сюда волоки! —
Нынче не время оно
Над гранитным бортом реки.

И разговор короткий —
Слова не говоря...
Это было в рабочей слободке
В пламени Октября,

Там, где туман, витая,
Плыл над волной реки,

Старых архангелов стаю
Пряча на чердаки.

1920

* * *

Вы смеетесь,
Как будто купаетесь,
Потому, что кругом — март,
Потому, что снег растаял
И город весной горд.
Вы ни в чем и ничуть не
каетесь!
Ярче звезд фонари паровозные,
Вокзал — луной в облаках.
Смело вспыхивают ногти розовые
На ваших беспокойных руках.

Вы идете, не оступаетесь!

1920

* * *

Мы — футуристы невольные,
Все, кто живем сейчас.
Звезды остроугольные —
Вот для сердец каркас!

Проволока колючая —
Вот из чего сплетены
Лавры благополучия
После всемирной войны.

Отгородимся от прошлого,
Стертого в порошок,
Прошлого, болью поросшего,
Скошенного под корешок.

Разве что только под лупами
Станет оно видней...
Пахнут землей и тулупами
Девушки наших дней.

1921

* * *

Зацелованный футурист
И обласканный графоман,
Сладкий запах покрашенных уст
Из угла, где хрипит граммофон,
Через тусклые бюсты матрон
Гнется белый девический бюст.
Почему же из этих уст
Не струится пронзительный свист?

Не ходи в буржуазный дом,
Перед обществом скучных дам
Не разменивайся, поэт!..

1921

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ БУЛЬВАР

Провинциальный бульвар. Извозчики балагурят.
Люди проходят, восстав от сна.

Так и бывает: проходят бури
И наступает тишина.

Что из того, что так недавно
Стыли на стенах кровь и мозг!
Толстые люди проходят плавно
Через бульвар, где истлел киоск.

Что из того, что разрушенных зданий
Ясные бреши на восток!
Кончились, кончились дни восстаний,
Членовредительства и тревог.

И только один, о небывалом
Крича, в истрепанных башмаках
Мечется бедный поэт по вокзалам,
Свой чемоданчик мотая в руках.

1921

* * *

Ты — нерва спутанный комок,
Волнения распространитель!
Не потому ли слишком
 строг
Печальный ангел твой хранитель?
Не потому ль во дни тревог,
Когда весь мир дрожал от
 страсти,
Он под крылом тебя берег,
Да также и себя отчасти?

1921

Вы уедете скоро. У платформы вокзала
Будет биться метель в паровозную грудь.
Улетая, завьюжится талая муть.
Я назад возвращусь, спотыкаясь о шпалы.

Рыжеокая девушка, белая Алла,
Не забудьте, кончая намеченный путь,
Сквозь окошко вагона свой стан перегнуть,
Удивляясь, как быстро Сибирь убежала.

И взлетая на черную спину Урала,
И спускаясь в долину голодных смертей,
Вспоминайте о том, как простились устало
Мы с больными улыбками умных детей,
Чтобы встретиться вновь в суете карнавала
Под веселыми масками старых чертей.

1921

* * *

Ты слушай. Я очень точен.
Чужая забота пришла
Холодной и мутной весной,
Сказала: — Ты мой дружок! —
Насильно увела,
Сказала: — Пойдем со мной!

И вам, молодым и старым,
Казался ненастоящим
Болезненный жар этих щек.
А жизнь была тротуаром,
В грядущее уходящим
Из-под нетвердых ног.

1921

Сахарин —
Это горькие слезы,
Истолченные в порошок.
На великий базар кто принес их,
Упакованные хорошо?
— Я подделок вам не продам,
О прекраснейшая из дам,
Ваши слезы всего дороже,
Ваши слезы всего пригоже,
Предлагайте случайным прохожим:
— Сахарину полный грамм!

1921

БАНЯ

Ржавеет в паровом тумане
Крестообразный вырез рам.
У этой двери этой бани
Люблю стоять по вечерам,

Где головами неустанно
Покачивают фонари:
— Смотри, как свежи и румяны
Все побывавшие внутри!

Все, от чего душа отмылась,
Как чад, уносится во мрак.
...А из сугроба ангел вылез:
— Надейся, брат, что это так!

1921

СТОЛОВКА

Пол столовки земляной, утоптаный,
В уголке бочонок и весы.
У девиц соломенные локоны,
Вздернутые носы.

Что за птицы? Так и лают глазками,
Из-за стойки вышырнув на миг,
А потом бегут, ножами лязгая:
Мол, из вас наделаем шашлык!

Но и я напиток, крепко взболтанный, —
Из меня не сделаешь пирог!
Так и так, о локоны вы желтые,
Я и сам волшебник и пророк!

Я за столик, плохо сервированный,
Не усядусь! Где у вас меню?
Хочет мяса пес мой дрессированный.
Рафинаду — моему коню!

Развились соломенные локоны,
Юбочный подол затрепетал.
В кухню побежали со всех ног они.

Я сидел и хохотал.

1922

* * *

Мы залезли на колокольню
И звонили в колокола,
И спустились мы с колокольни,
Звоном полные допьяна.

Люди с нами заговорили —
Мы не слышим. Прямо беда!
Неужели на самом деле
Поразила нас глухота?

Но потом мы здраво решили:
Оглушили колокола,
Оглушили на час или на два,
Но, конечно, не навсегда!

1922

РЕВМАТИЗМ

Допытывал я у шаманов:
Как научил вас бог Ульгень
Среди морозов и туманов
Предвидеть оттепели день?

Теперь барометра не хуже
Я чувствую приход весны,
И чую я прихода стужи
С определенной стороны.

Мои испытанные кости
Так сильно ноют в эти дни,
Что, вероятно, на погосте
Не успокоятся они.

И буду знать, в какие краски
Окрасиласьверху заря...
А вы живете по указке
Бездушного календаря.

1922

Как много странного, как много пестрого
У балаганного кривого остова!

— Сбегайтесь, девки,

— Сбегайтесь, детки!

Актеру в шляпу бросать монетки

И слушать писк марионетки!

Разрушим стены балаганные,

Сожжем скелеты деревянные!

— Сбегайтесь, девки,

— Сбегайтесь, детки!

За вход в зверинец платить монетки!

В зверинце силы, скорбь и труд,

Там с девяти в стеклянной клетке

Щебечет птица Ундервуд!

1922

БРОСЬТЕ!

Я противник лютых зим —

Тяжко севера проклятье,

Разве девушка и пим —

Совместимые понятия?

Знаю, заработок мал —

Вечно по урокам рыскай, —

Но стремится на Ямал

Радиотелеграфисткой?!

Бросьте! Вечные снега

Только издали вам любы.

Беспощадная цинга

Расшатает ваши зубы.

На галете взмокнет след
Отвердевших, вспухших десен,
И во тьме сойдут на нет
Девятнадцать ваших весен.

Птицы — осенью на юг,
Травы — никнут, увядая...
Что вам даст Полярный круг,
Фантазерка молодая?!

1922

РАССМЕЙТЕСЬ!

В белых яблонях сокрыт ваш дом,
И, грустя, что наши встречи редки,
Я у яблонь все сухие ветки
Длинным обрубил ножом.

Дорогая, слышал я не раз,
Что поблек завидный ваш румянец,
Что какой-то жалкий оборванец
Молодость украл у вас.

Вы рассмейтесь, если это ложь!
Ну а если это правда злая, —
Вы подайте голос, дорогая:
Длинный у меня есть нож.

1922

МАРТЫНЫ

Черные воды пустыни,
Глухо ревет прибой,
Братья мои мартыны
Кружатся над тобой.

Белые сытые птицы,
Жалобы, стоны их — ложь.
Тот, кто в меня вглядится,
Скажет, что я похож.

Тонкие руки раскинув,
Падаешь ты на песок.
Видишь летящих мартынов?
Путь их высок, высок!

Белые сытые птицы,
Ветру друзья и волнам,
Тот, кто в меня вглядится,
Скажет, что весело нам!

Начало 20-х гг.

* * *

Все это было так знакомо:
Играли Моцарта и Листа
На вечере у военкома
Военные специалисты.

У военкома из рабочих
Была чудесная супруга,
В чьих взорах матерински-отчих
Два мира видели друг друга.

За окнами костры, дозоры,
На стеклах снежные узоры,
На рауте у военкома
Нашлись певцы, нашлись танцоры.

Военспецы, проборы, шпоры,
Танцоры... Завивала вьюга
На окнах снежные узоры,
Январский снег хрустел упруго.

1922

СТУДИЯ СТУЖИ

Все застыло —
Моря, и озера, и реки, и лужи,
И за хрупким оконцем громада созвездий
Застыла, как будто застыл рыбий хвост в ухе...

И тогда на пороге пустой кристаллической студии
стужи

Возникает натурщица:

— Где же художник Мороз в дохе?

— Ах ты, сизая роза с мороза, собачья каюрщица,

Брось фантазировать: «Как мне позировать?» —
снежного дочь отца!

Можешь позировать, как тебе хочется!

А! В таком случае самое лучшее

Быть изображенной полуобнаженной, взгляд бросая
сонный

На узор оконный, на стекле растущий, как цветок
цветущий,

В разных праздных птичках райской красоты!

О улыбки на личиках, павлиньи хвосты на шелках
и цветочки на ситчиках!
Ей не хочется мучиться в своих рукавичках
и ичигах
Здесь, где одни ледяные березки застыли,
как трещинки в воздухе.

И за кисти берется художник Мороз в дохе
Делать то, что получится.

1922

* * *

Позднею ночью город пустынный
При бертолетовых вспышках зимы.
Нежная девушка пахнет овчиной,
И рукавички на ней и пимы.

Нежная девушка новой веры —
Грубый румянец на впадинах щек,
А по карманам у ней револьверы,
А на папаше алый значок.

Может быть, взять и гранату на случай?
Памятны будут на тысячи лет
Мех полушубка горячий, колючий
И циклопический девичий след.

1922

Серый час был мутен и обманчив,
И хотелось закричать кому-то:
«Помогите! Я уже не мальчик,
Заблудился в поисках уюта!»

Но из полумрака отвечало
Лунное морщинистое рыло:
— Что же! Удивительного мало!
И меня туманами закрыло.

И пошли смеясь мы и ругаясь,
И туман куда-то в водостоки
Уползал, клубясь и содрогаясь,
И вставало солнце на востоке.

1922

* * *

Между домами старыми,
Между заборами бурыми,
Меж скрипучими тротуарами
Бронемашина движется.

Душки трепещут за шторами,
Пушки стоят на платформе,
Смотрит упорными взорами
Славный шофер — Революция.

Руки у ней в бензине,
Пальцы у ней в керосине,
А глаза у ней синие-синие,
Синие, как у России.

1922

Померк багряный свет заката,
Громада туч росла вдали,
Когда воздушные фрегаты
Над самым городом прошли.

Сначала шли они, как будто
Причудливые облака,
Но вот поворотили круто —
Вела их властная рука.

Их паруса поникли в штиле,
Не трепетали выпела.
— Друзья, откуда вы приплыли,
Какая буря принесла?

И через рупор отвечали
Мне капитаны с высоты:
— Большие волны нас качали
Над этим миром. Веришь ты —

Внизу мы видим улиц сети,
И мы беседуем с тобой,
Но в призрачном зеленом свете
Ваш город будто под водой.

Пусть наши речи долетают
В твоё открытое окно,
Но карты, карты утверждают,
Что здесь лежит морское дно.

Смотри: матрос, лотлинь распутав,
Бросает лот во мрак страны.
Ну да, над вами триста футов
Горько-зеленой глубины!

1922

БАЛХАШ («Я помню...»)

Я помню зной того степного края,
Безветрие и дьявольскую сушь.
Я плелся по горбам Тарбагатая
И воду пил из горьких теплых луж.

И в тех же лужах я мочил отрепья,
Чтоб хоть на час оставил мучить зной.
К тебе, Балхаш, я пробирался степью,
И вот ты встал зеленою стеной...

О, как грохочет вал, встающий дыбом
На жирном ослепительном песке!
Как хорошо плескаться сонным рыбам,
Когда гроза грохочет вдалеке!

1923

ЧАНЫ

Как бирюзовая заплата на сером рубище страны
Лежит, великое когда-то, степное озеро Чаны.
Стоянка каменного века, невиданного зверя след,
Неведомого человека воображаемый скелет!
Теперь бедняги рыболовы в прибрежных бродят
камышах,
Сутулы и белоголовы, и рябь в глазах, и звон
в ушах.
Наш парус поднят, ветер ровен, команда вся
навеселе,
Далекий благовест часовен: какой-то праздник
на земле...
Но под изогнутым форштевнем волшебной пенится вода,
Мир о своем величье древнем не позабудет никогда!

Начало 20-х гг.

Метеоролог быстро сверил сводку,
Отметочки поставил на графе
И, проклиная мерзкую погоду,
Пошел развлечься в ближнее кафе.

...Ночную бурю помните едва ли —
Январь — февраль метельная пора!
Об этом люди и не толковали,
А только скрежетали флюгера.

Кто ж виноват, что унырнул в заносы
Тот караван, влача издалека
Груз мяса, масла, сала и колеса
Мороженого молока...

Но поутру сугробы захрустели
И грянул солнца хладный барабан:
— Ого! По эту сторону метели
Цел-невредим явился караван!

И флюгера глазами завертели:
— Ого! Товара ли не надо вам?
В наш город, где артели и отели.
На ярмарку явился караван!

1923

ТЫ ПОЕЗД

Ты — поезд! Я падал на рельсы:
Ну что ж, уничтожь, налети!
Увидела, что не бессмертен, —
Сама соскочила с пути.

Разбилась на мелкие части
Чугунная кукла-душа,
Но в черных обломках крушенья
Увидел я только себя!

1923

* * *

Тебе сражаться было не с кем,
Так даже нежную любовь
Ты выражала долгим, резким,
Неженским скрежетом зубов.

Тебе, глядящей как из трещин
И штопанных шелками дыр,
Ни старый не был мир завешан
И не обещан новый мир:

Такие хилые вампиры
В несвежем кружевном белье
Еще до сотворенья мира
Существовали на земле.

Ты даже и не эмигрантка,
А просто так, вовне времен.
Твой рот, как маленькая ранка,
Но и пиявка тоже он,

Которая твоей же кровью
Напитана. А ты жива,
Но к собственному надгробью
Ты хочешь уронить слова.

Но, впрочем, ты была безгласна,
Как собственная тень в трюмо.

И понял я довольно ясно,
Что значило твое письмо,

Написанное как бы детским,
Наивным почерком проста —
Тебе сражаться было не с кем,
Твоя душа была пуста.

Начало 20-х гг.

ПЛОВЕЦ

Как будто бухту в час отлива
Переплываю.
Цель близка.
И выхожу я горделиво
На отмель серого песка.
И не плывет за мною сзади
Никто, хоть многих я увлек.
Отстали! Возвратились! Глядя
На тень свою, смеюсь:
— Высок!
Но, тело, на ветру ты стынешь,
И тяжелеет голова!
Так неужели это финиш?
Нет, Вечность, ты не такова!

1923

СОНЕТ

Я шел по лысынам и спинам горным
В мою Европу прямо на закат,

И звезды в небе азиатски-черном
Мерцали, как глазенки киргизят.

А после в городе, большом и сорном,
Тебя я встретил, европейский брат,
В далеком прошлом тоже азиат,
Но днесь охвачен рокотом моторным.

Да, раньше ты пришел на сотни лет,
Но друг за другом мы кружили вслед, —
Об этом-то преданья и векуют.

И классикам вы верьте не вполне,
Ведь мне о вас, а вам и обо мне
Они не знают сами, что толкуют.

1923

* * *

Застыли в полете четыре весла. Форштевень ударил
в песок.
Молчали товарищи. Шлюпка ждала. Он вышел на
низкий мысок.
Чуть видимый город мерцал вдалеке. Был северный
ветер суров.
И глухо чернели в холодном песке следы прошлогодних
костров.
Взглянул он. И медленно в сумрак ушел. Ища, ничего
не нашел:
Едва ли останется след каблуков среди этих зыбких
песков.
Спугнул только чайку. Вернулся назад. Товарищи молча
сидят.

Им ясно, что в городе где-то она,
А здесь лишь песок и волна.

1924

НЕЖНОСТЬ

Вы поблекли. Я — странник, коричневый весь.
Нам и встретиться будет теперь неприятно.
Только нежность, когда-то забытая здесь,
Заставляет меня возвратиться обратно.

Я войду, не здороваясь, громко скажу:
— Сторож спит, дверь открыта, какая небрежность!
Не бледнейте, не бойтесь! Ничем не грожу,
Но прошу вас: отдайте мне прежнюю нежность.

Унесу на чердак и поставлю во мрак
Там, где мышь поселилась в дырявом штиблете.
Я старинную нежность снесу на чердак,
Чтоб ее не нашли беспризорные дети.

1924

ЭЛЕГИЯ

О, не в тайгу б пошел искать я рай,
Не Ева ты, я не Адам нагой,
Но помолчи и отдышаться дай,
Ведь я пришел к тебе, а не к другой.

Тяжелый запах ты сейчас вдохнешь,
В нем будет все — и паровозный дым,

И сырость трюма. Револьвер и нож
Я суну под подушку. Помолчим.

Мир озарен Полярною звездой,
За окнами упругий снежный хруст.
Ты поцелуя теплою водой
Напой меня из приоткрытых уст...

Прощай, хозяйка губ своих и плеч!
Забудешь или память сохранит:
В осенний час соседний мир поджечь
Я улетел в потоке леонид.

1924

СИРЕНЫ

Опять вода идет на прибыль.
Плывет челнок мой, непричален.
И не поймешь: сирены, рыбы ль
Глядят сквозь щелочки купален.

Я вспомнил случай с рыбаками:
Услышали сирен ли, рыб ли,
Но с распростертыми руками
Метнулись за борт и погибли.

Такой конец неинтересен —
Идти ко дну, теряя разум.
Но видеть их, не слыша песен,
Доступно только водолазам.

Но ведь и эти водолазы
Не одинаковы, а разные:

Одни — ужасные пролазы,
Другие — вдохновенно праздны.

Один готов схватить сирену
Рукой, которая намокла,
Другой лишь поглядит смиренно
Сквозь затуманенные стекла.

А вот возьму сейчас разденусь
Да ринусь головою в воду:
Авось я никуда не денусь,
А плавать я умею сроду.

1924

БАЛХАШ («Ой, Балхаш наш...»)

Ой, Балхаш наш зеленогривый!
Очень хитрый и очень старый.
Ведь когда заштормует Каспий,
На Балхаше мертвые волны.
Значит, если у Каспия горе,
То Балхаш его разделяет,
И за это дает ему Каспий
По подземным протокам рыбу.

Как-то ветер подул от солнца
(С устья реки Или)
И принес железную лодку
С белыми большими парусами.
А потом он подул на солнце,
Оттуда, откуда холод,
И разбил железную лодку
С белыми большими парусами.

И люди все утонули,
А берег был недалеко,
Но был он закрыт туманом,
А люди Балхаша не знали.
Не знали, что у Балхаша
Такие острые зубы.
Острые зубы — скалы,
И толстое брюхо — отмель.

1921

* * *

Нешаден
Для усталых и отсталых,
Как будто сам безглазый поводырь,
Поволжский голод вел через Урал их
В суровую, но сытую Сибирь.

Волжане,
Обескровленная плоть их
Мне помнится, и ребра, и хребты,
Я помню хилых девушек в лохмотьях,
Съедобной глиной пахнущие рты.

Ребят босых
Я видел, полуголых,
Когда, изъязв из всяких нор и дыр,
Иной чекист в санобработку вел их,
Как сам Дзержинский, грустный командир.

Начало 20-х гг.

ШКЕТ

Ветер холодный, а жжет,
Черт его побери!
Мост. Над мостом фонари,
А под мостом шкет.
 С баржи прогнал водолив,
 Шкет и залез сюда,
 Хлещет о сваи вода
 В пятнах белесых грив.
Шкету двенадцать. Он
Придумал теперь, как быть:
Надо пойти заявить,
Что под мостом притон,
 Фальшивомонетчиков пять
 И «домовушников» шесть,
 Да и «мокрушники» есть —
 Всех не пересчитать!
Придут — никого нет.
«Обманщика, — скажут, — в тюрьму!»
А это и надо ему —
Будет он сыт и одет.
 Сон шкета глубок,
 И снится ему тюрьма,
 Вроде как детдома,
 Где выдают паек.

1925

ВОСПОМИНАНИЯ СКИТАЛЬЦА

До сих пор еще кажется: камни валятся
Прямо на нас, карабкающихся по обрывам...
В этих воспоминаниях скитальца
Я хочу быть только правдивым:

Был бородат и упрям он, почтенный профессор-геолог,
За никелем, за вольфрамом был путь наш тяжел
и долог.
Дошли мы, вверх по течению рек, к стремительным
водопадам,
И к нам полудикий пришел человек, и сел он
с профессором рядом
Возле костра полупогасшего на истертую шкуру
джульбарса,
И, показав на бороду начальника нашего, сказал:
— Как у Маркса! —
И закричал тогда наш проводник:
— О странник в лохмотьях, покрытый пылью,
Скажи мне, пожалуйста, нищ, полудик, откуда ты
знаешь такую фамилию?

Но гость, улыбаясь, ответил нам, что бедному люду,
несчастному люду,
Любим неизвестным еще племенам известно то,
что известно повсюду!
И не о старом мире, не о Шварцвальде хмуром
Я думаю. И не о Трире, который известен
по гравюрам,
Но о тех краях, что до сих пор
Являли собой загадку,
Тех краях, где среди неприступных гор
Поставили мы палатку!

1925

* * *

Наш путь в тайгу. И этот дальний путь
Не верстами — столетиями я мерю.
Вооруженный, чувствую я жуть
И чувствую огромную потерю.

Давно исчезли за горбом земли
Завоевания столетий многих.
Лишь крестики часовенок убогих
Торчат кой-где, чтоб мы их не нашли.

Селенье. Крик младенцев и овец,
От смрада в избах прокисает пища.
Будь проклят тот сентиментальный лжец,
Что воспевал крестьянское жилище!

Я думаю о нем, как о враге,
Я в клочья разодрал бы эту книгу.
Я человек — и никакой тайге
Вовек не сделать из меня шишигу.

1925

ГОЛЫЙ СТРАННИК

О, знаю я, что постепенно
Твердь снова станет голубой,
Студеная осядет пена
И дым подымет хвост трубой.

...Все магистрали и поселки
Тонули в бездне снеговой,
Когда возникли эти толки
О голом призраке. Впервой
Он появился на руинах
Старинных зданий, а потом
Он, для смятенья душ невинных
В пространстве будто бы пустом
Ускорил шаг среди метели,
И все, кому являлся он,
Божились, что бредет без цели,
Простоволос и обнажен.

Но ведь и мы его встречали,
И согласишься, что я и ты
Как будто и не замечали
Его ужасной наготы.

Кто он? Наследие ль военных
Жестоких лет, когда враги
Зимою раздевали пленных
И говорили им: «Беги!»
А может быть, безумец гордый,
С природою вступивший в бой
И подчинивший воле твердой
Морозы, равно как и зной?

К чему гадать! На горном кряже
Все крепче ледник голубой.
Рождает всякие миражи
Зимы отчаянный прибой.
Но и в кипенье этом белом,
Сияньем снежным опален,
Я чувствую душой и телом:
Жив этот странник — Аполлон!

1925

ГРУСТЬ

Ночь. Чужой вокзал.
И настоящая грусть.
Только теперь я узнал,
Как за тебя боюсь.

Грусть, это — когда
Пресной станет вода,
Яблоки горчат,
Табачный дым как чад.

И как к затылку нож,
Холод клинка стальной —
Мысль, что ты умрешь
Или будешь больной.

1925

САХАР БЫЛ СЛАДОК...

С гор, где шиповник турецкий расцвел,
Ветер был сладок и жарок.
Море лизало сверкающий мол, —
Сахар сгружали мы с барок.

Ты понимаешь?
Грузить рафинад!
Легкое ль это занятие?
Сладко! Но сотню красавиц подряд
Ты ведь не примешь в объятья!

Позже ходили мы к устью реки
К рыбницам Нового порта.
Грузчиков не было. С солью мешки
Сами сгружали мы с борта.

Стал, как китайский кули, весь бел,
Руки изъело и спину.
Долго потом я на соль не глядел,
Видеть не мог солонину.

Сахар был сладок,
И соль солона.
Мы на закате осеннем
Вспомним про то за бутылкой вина,
Прошное снова оценим.

Время уходит!
Тоскуй, человек,
Воспоминаньями полон, —
Позднюю осенью падает снег,
Таает, не сладок, не солон.

Ну-ка, приятель, давай наливай!
Таает, не сладок, не солон...

1925

НОРД-ОСТ

Я, норд-ост, родился в тундре,
Но ее покинул вскоре,
Чтоб иные видеть зори
На далеком Черном море.

Выл я в горном коридоре,
На степном ревел просторе,
И теперь, рожденный в тундре,
Я бушую в теплом море.

Так, принявши облик бури,
Мы летим. Пора настала,
Чтоб о нас иное море
Днем и ночью грохотало.

1925

Мы знаем цену каждому мгновенью.
Платить за все придет однажды срок.
Я как-то раз пробрался на восток.
Там, между прочим, есть торговцы тенью.
Они располагаются под сенью
Больших деревьев около дорог,
А чаще — в нишах. И за вход в мирок,
Наполненный прохладой и ленью,
Берут пятак. Заплатишь и лежишь...
— Не ешь кишмиш и не кури гашиш,
А тень купи! Она дешевле дыни
Здесь в городе, — торговец мне шептал. —
Но понимаешь: весь свой капитал
Отдашь ты за нее среди пустыни!

1925

* * *

О неведомом и о таинственном
Говорить без смеха бы не мог
Я, рожденный в племени воинственном,
Покорившем Северо-Восток.

Ну и плыл с товарищами рослыми
Бить зверей на ледяной земле,
Молодые заправляли веслами,
Старики сидели на руле.

У речного устья волны пенятся,
Завывает ветер низовой,
Кто навстречу там скакать не ленится,
Свищет, машет шапкой меховой?

Помню, в Мангазее и в Березове
Нас вводили под уютный кров
Девушки, прельстительны и розовы,
Говорили: — Пей да будь здоров!

И не рву я с древнею отчизною,
Помню юных дорогих подруг,
А встречая нудную, капризную,
Говорю: — Тебя изнежил юг!

День придет, и снова ясно вспомнится
Дикий вихрь пустыни ледяной,
И равно, капризница ли, скромница,
Сделаешься верною женой!

Середина 20-х гг.

ОГНЕВЫЕ ЛИСЫ

В Арктике,
Где поднялися
Города наперекор природе,
Огневые лисы
Нынче в моде.

Сочетается
С узором малиц
Огнепламенная их окраска,
Где вздыхает
Океан-рыдалец.

А за полюсом
Дрожит Аляска,
Видя,
Как морозами пресытась,

Поднимая мерзлое забрало,
На нее былинный смотрит витязь
С лунных круч Полярного Урала.

Такова Гиперборея!
В пiske
Всевозможных зарубежных раций
Радиотелеграфистки
Замирают в позах снежных граций.

20-е гг.

ОТТЕПЕЛЬ

Ветер с далекого моря,
Оттепель, капельки с крыш.
На почерневшем заборе
Ключья намокших афиш.

На зиму непохоже,
И до весны — месяца́.
Сырость плывет, тревожа
Легкие и сердца.

Вот и твое крылечко:
— Если не спишь — открой! —
...В комнате черная печка
Дышит поддельной жарой.

Свет гаснет. Душно, как в яме.
— Что ты встаешь? Лежи! —
...Ночью простыми мужьями
Делаются мужи.

1925

Кто зовет меня:
«Вернись, вернись!»
Ропот чей доносится из мглы?
Неужели это бьют о мыс
Пенные тяжелые валы?

Водоросли, —
Век они росли! —
Выплыли и на берег легли,
Обвились они вокруг коряг:
«Мы тебя бы так не оплели,
Не тебя опутали бы так!»

Очень нежная морская соль
Шепчет мне, мерцая и лучась:
«Я б тебе не причинила боль
Острую, такую, как сейчас!»

Опустил я парус у озер,
Двух озер великой глубины,
Где приливы и отливы — вздор,
Несогласный с фазами луны.

И гляжу по целым я часам
В глубину сверкающих озер.
Никогда бы не поверил сам,
Что такая ты гипнотизер!

1925

Почему одежды женщин в опущениях лохматых,
Будто бы сейчас не лето, но зима полярных стран?
Или женщины тоскуют о покровах волосатых
Прародительниц хвостатых — юных, цепких обезьян?

Позабыт времен недавних героический обычай —
Мы деремся кулаками, избегая тонких шпаг.
Развлеченья наши — танцы — так похожи на лисичий,
На медвежий, на слоновый осторожный мерный шаг.

Пусть ученые зловеще говорят об атавизме,
Хорошо бы это было озвереть в лесной глуши! —
Лишь гримаса обезьянья отразилась в тонкой призме
Слишком тщательно граненной человеческой души.

Потому что обезьянам уж недолго жить на свете,
Переловленные, вымрут и медведи и слоны,
И романтикой старинной кажутся нам звери эти,
Нам, невесело следящим бег стотысячной весны!

1926

ПУТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

И не теоретические споры,
И не примеры из литературы,
Но горы и соленые озера,
И бурное взволнованное море,
И хмурые заоблачные зори —
Вот что влечет революционера,
Скорее практика, чем фантазера!

Не худо,
Сев на важного верблюда,
Направиться и к югу и к востоку!

Дари свободу бедному народу
И намечай железную дорогу.
Дари свободу! Что же это значит?
Дари им воду, букву, цифру, слово
И все, на что ты сам имеешь право,
Чтоб, ржаво треснув, рассыпались цепи...

В палящий зной нивелировка степи,
Анализ почв, промер воды в озерах, —
Вот он один — высокий и прекрасный,
Тяжелый путь революционера,
Одна твоя немеркнущая слава!

1926

* * *

О, люди,
Ваши темные дела
Я вижу. Но волнуюсь не за души,
А лишь за неповинные тела —
Ведь это все же не свиные туши!

Я знаю:
Тело не за свой позор
Заплатит кровью, чистой и горячей.
Плутует разум — хитрый резонер,
Вступая в сделки с честью и удачей.

Но коли так, за что же, о, за что ж, —
Ответьте, объясните мне причину! —

Вам не в сознание всаживают нож,
А между ребер — в сердце или в спину?

Я смерти не особенно боюсь,
Она не раз в глаза мои глядела,
Но все же я испытываю грусть
Не за себя, а именно за тело.

1926

АГАСФЕР

Темные разъезды поезд пробежит.
Мост над Ахероном весь задребезжит.
От водоворотов по реке воронки.
Паника в вагонах, нервные припадки...
Только этот дядя от всего в сторонке,
Курит и смеется, стоя на площадке.
Это — Агасфер.

1926

МОРЕ БЫЛО

Багровеет солнце на закат.
Смотрит вкось и, хитрое, смеется:
— Люди, люди! Отступить назад,
Рано или поздно, вам придется.
Море было и назад вернется,
Сонных волн послышится раскат.

Ветер влагу нес издалека,
Степь в соленом мареве тонула,

Море из пластов известняка
Ухмылялось челюстью акулы.
Кочевали бедные аулы,
Соль — их горе, ветер — их тоска!

Но какой-то дерзкий фантазер
Городу позволил основаться
Здесь, на дне исчезнувших озер,
Где смерчи соленые клубятся.
Город вырос и глядит в упор,
В степь глядит, не может оторваться.

Основатель — дерзостный смутьян,
Он совсем не чтит степных законов.
Из багрово-матовых полян
Не слышал заунывных стонов.
Стонут выпы — призраки тритонов:
— Возвратись, о древний Океан!

Поздно! Плавниками шевеля,
Ты, акула, не всплывешь обратно,
Не нырнешь в султаны ковыля!
Перепашем и удобрим знатно
Мы тебя, о древняя земля!

1926

СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ

Нагоняет соленую воду
Ветер северный в бухты губы,
Но не ждем мы у моря погоду —
Черный дым повалил из трубы.

Загремела и смолкла лебедка,
Якорь тяжкий подняв со дна.

Винт работает ровно и четко,
За кормою встает волна.

Сзади хмурится берег низкий,
Там немало подводных камней.
Длинные, длинные скорбные списки
Затонувших там кораблей.

И голландцы и англичане
Оставляли свои корабли
В искрах льда и в морозном тумане
Близ Ямала, конца земли.

Льды и нынче не стали реже,
Только верный мы путь нашли.
Вдоль арктических побережий
Мы ведем свои корабли.

Звездный иней. На палубе скользко.
Сзади мрак. Впереди туман.
Ничего! Мы пройдем из Тобольска
В Атлантический океан!

1926

✱ * *

Нет у меня дурных предчувствий,
А если были, так прошли —
Я нахожу себя в искусстве
Унынье гнать с лица земли.

1927

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ

Освобожденное от туч,
Все небо розово и звездно.
Я увидел зеленый луч.
Ищи и ты. Еще не поздно!

1927

ПОЭТЫ

Крестьянам — место у сохи.
Матросы свежим ветром дышат.
А я семь лет пишу стихи,
Как многие другие пишут.
Я много на своем веку
Встречал братьев-ротозеев,
Что рады — на вагон песку
Полграмма золота отсев.
И вот меня волнует грусть.
Искусство бросить хорошо бы!
Стихи матросы пишут пусть,
Рабочие и землеробы...
О, жизнь осенний свой разлив
Взметнет к невиданным пределам,
Когда, толпе мечтать внушив,
Мечтатели займутся делом!

1927

* * *

Ты меня смешишь и раздражаешь!
С гордо поднятою головой,
Ты меня, как встарь, воображаешь
Дикарем в папахе меховой.

Что ты знаешь? Нега льда и снега,
Много бога, вьюга, банный пар,
Печь, телега, иго печенег,
Реки млека, жар еловых чар.

Вот и сон ты видишь нехороший,
Будто я склоняюсь над тобой,
Как над незабудкой переросшей,
Над фиалкой тускло-голубой.

Это ты осталась и поныне
Той, которою была и встарь.
Видно, это ты уже пустыня,
Та, в которой я уж не дикарь!

1927

* * *

Писатель слов и сочинитель фраз,
Ты за рассказом составлял рассказ
Про все, на чем остановился глаз.

Ты описал поверхность всей Земли,
Упомянул, что в море корабли
Боролись с бурей, а цветы цвели.

Я видел экземпляры книги той,
Она бумагой сделалась простой.
Ты в этой книге, в сущности — пустой,

Не захотел, чтоб бабочки пыльца
Не прилипала к пальцам подлеца,
Чтоб ровно бились чистые сердца.

Ты этой книгой никого не спас.
Писатель слов и сочинитель фраз,
Не дописал ты повесть до конца!

1927

КОРРЕСПОНДЕНТ

Приятель, отдал молодость свою
Ты в дар редакционному безделью.
Газетчик ты и мыслишь нонпарелью, —
Я, хохоча, прочел твою статью.
Тебе ль касаться ведомственных тем!
Ведь наших дней трескуч кинематограф,
Ведь Гепеу — наш вдумчивый биограф —
И тот не в силах уследить за всем.

И, перевозимогая робость,
Припадкам ярости подвержен,
Он вверх Антарктикой на стержень
Надел редакционный глобус.
Не помышляя об авансе,
Он провалился в черный лифт.
«Расстанься с городом, расстанься!» —
Мелькнуло, как заглавный шрифт.

Он изучил прекраснейший язык.
Корреспондентом будущих изданий

Он сделался. И наконец, привык
Не выполнять редакторских заданий.
Радиограммы слал издалека:

«Абзац... Стремление к отдаленным странам,
Сознание, что планета велика,
Пожалуй, недоступны горожанам.
Абзац... Я был в затерянных степях,
Где возрастают люди-корнеплоды.
Не их ли потом континент пропах?
Немые и безвредные уроды,
Их мозг в земле.
Абзац... Еще отмечу:
Я в скалах обнаружил серебро.
Туземцы бьют серебряной картечью
По дамским цаплям (сто рублей перо!)».

Так возвратил он молодость свою.
Безумным, загорелым, полуголым
Он сделался. И я не узнаю
Газетчика в товарище веселом.
Мы на одной из быстроходных яхт
По вечерам сплавляем к устью Леты
Тоску и нежность под высокий фрахт.
Мы также называемся — поэты.

О, здравый цензор! Беспокойны мы,
Подвержены навязчивым идеям.
Но нам доступно посмотреть с кормы
На берега, которыми владеем.

1927

На берегу под плакучими ивами
 Головни от костра
 Тускло мерцают, что людям счастливыми
 Стать уж давно пора.
 Видишь ты розовый Тополев мыс вдали,
 Пристань Арбузогрузи?
 Знаешь ли: то, что заманчиво издали,
 Все ж не такое вблизи.
 Ты понимаешь: просторы просторами,
 Но и — скрипенье колес!
 Видишь ты сорные травы, которыми
 Низменный берег порос,
 Видишь, сверкают степными озерами
 Очи сверкающих слез,
 Видишь ты город, который заборами,
 Как чешуею, оброс!

Вот погляди! Убедившись воочию,
 Что утопают в грязи,
 Вынь поскорее свои полномочия,
 Все это преобрази,
 Чтоб над крапивно-едучими гривами
 Вновь воссияла звезда,
 Сделай, чтоб жители стали красивыми
 Без исключенья всегда!

Конец 20-х гг.

СКОМОРОХ

Есть на земле высокое искусство —
 Будить в народе дремлющие чувства,
 Не требуя даров и предпочтенья,

Чтоб слушали тебя не из почтения,
Чтоб, слышав раз, послушали и снова,
Чтоб ни одно не позабыли слово,
Чтобы в душе — не на руках! — носили.
Ты о такой мечтал словесной силе?
Но, не смущаясь гомоном и гамом,
На площади меж лавками и храмом,
Где блеют маски и скрежещут доски,
Сумей взойти на шаткие подмостки,
Как великан в неистовстве упрямом!
Пускай тебя за скомороха примут,
Пускай тебя на смех они подымут,
Пусть принимают за канатоходца, —
Употреби высокое искусство —
Будить и в них их дремлющее чувство.
И если у тебя оно найдется,
Так и у них, наверное, проснется!

1928

ПОСЛАНИЕ К МУЗЕ

Успокойся! Я понял тебя наконец!
В душной комнате мечутся пленники,
Их хотел умертвить твой высокий отец —
Гениальный профессор евгеники.

Всюду кляксы, бумажные комья и клей
И окурки на подоконниках.
Для тебя — ты прекраснее всех и светлей —
Много ль толку в таких поклонниках!

Вот весна. По оврагам ручьи зарычат,
В мутной желчи коряги ворочая,
А у встреченных девушек губы горчат,
Но без них огорчен в эти ночи я.

Я брожу, огорчен, я навек их отверг:
Та неумная, та узкогрудая,
Не для них изготовить хочу фейерверк,
Пылкой смесью созвучий орудуя...

Но бросаю перо, справедливость любя!
Нет, рукою талантливой все еще
Я ударю того, кто обидит тебя,
Не впервой мне ввязаться в побоище.

1928

* * *

Ты напрасно зовешь: возвеличь и воспой!
Для чего величать величавую?
Я уйду, окруженный громадной толпой,
Беспокойной, голодной оравой.
Где нечист небосклон, а кусты, как хлысты,
Хлещут землю сырую и серую,
Будем пни выкорчевывать, строить мосты
Второпях, перед новою эрою.
Всюду вежи и столбики. Теодолит
Установлен на месте возвышенном —
Я спокоен, и сердце мое не болит,
Что тобой я не буду услышанным.
А когда стихотворцев увидишь толпу,
Безобидное их ополчение, —
Ты раздай им лопаты, а в книжном шкафу
Спрячь поглубже хилейшего гения.
Писчей судорогой сведены, сведены,
Скоро пальцы покроются шишками
У него там в шкафу, где у каждой стены
Стонут мыши, пропахшие книжками.

1928

О, я всегда желал тебе удачи!
Я никогда не зарился на дачи,
Я не ходил толпой по магазину,
Чтоб закупить и запихать в корзину,
Но сделала меня ты всех богаче!

1929

БОРЕИ

Осень
Все великолепней
И безмолвней говорит:

— Видишь, —
Только не ослепни! —
Как листва моя горит!

Постараюсь не ослепнуть, видя пламенный твой взлет,

И уж если не окрепнуть, как однажды крепнет лед,
То, препятствия встречая, побороть их поскорей,
Все крепчая и крепчая,
Будто яростный
Борей!

1929

РЕКА ТИШИНА

— Ты хотел бы вернуться на реку Тишину?
— Я хотел бы. В ночь ледостава.

— Но отыщешь ли лодку хотя бы одну
И возможна ли переправа
Через темную Тишину?
В снежных сумерках, в ночь ледостава,
Не утонешь?

— Не утону!
В городе том я знаю дом,
Стоит в окно постучать —
Выйдут меня встречать.
Знакомая одна. Некрасивая она.
Я ее никогда не любил.

— Не лги!
Ты ее любил!
— Нет! Мы не друзья и не враги.
Я ее позабыл.
Ну так вот. Я скажу: хоть и кажется мне,
Что нарушена переправа,
Но хочу еще раз я проплыть по реке Тишине
В снежных сумерках, в ночь ледостава.

— Ночь действительно ветреная, сырая.
В эту ночь, трепеща, дотлевают поленья в печах.
Но кого же согреют поленья, в печах догорая?
Я советую вспомнить о более теплых ночах.

— Едем?

— Едем!

Из дровяного сарая
Братья ее вынесут лодку на плечах
И опустят на Тишину.
И река Тишина у метели в плену,
И я на спутницу не взгляну,
Я только скажу ей: «Садитесь в корму!»
Она только скажет: «Я плащ возьму.
Сейчас приду...»

Плывем во тьму,
Мимо предместья Волчий Хвост,
Под Деревянный мост,
Под Оловянный мост,
Под Безымянный мост,

Я гребу во тьме,
Женщина сидит в корме,
Кормовое весло у нее в руках.
Но, конечно, не правит — я правлю сам!
Тает снег у нее на щеках,
Липнет к ее волосам.
— А как широка река Тишина?
Тебе известна ее ширина?
Правый берег виден едва-едва, —
Неясная цепь огней...
А мы поедem на острова.
Ты знаешь — их два на ней.
А как длинна река Тишина?
Тебе известна ее длина?
От полночных низин
До полдневных высот
Семь тысяч и восемьсот
Километров — повсюду одна
Глубочайшая Тишина!

В снежных сумерках этих
Все глуше уключин скрип.
И замирают в сетях
Безмолвные корчи рыб.
Сходят с барж водоливы,
Едут домой лоцмана.
Незримы и молчаливы
Твои берега, Тишина.
Все медленней серые чайки
Метель отшибают крылом...

погоди! Что ты скажешь хозяйке?
йки метель отшибают крылом...
т, погоди! Что ты скажешь хозяйке?
понимаю — какой хозяйке?
торая в корме склонилась над веслом.
Я скажу: «Ты молчи, не плачь.
имеешь на это права
ь, когда ветер восточный — трубач —
т долгий сигнал ледостава».
ай!
ой ответ —
Тишины нет.
цена тишина.
воя вина.

частье твое.
ы нарушил ее,
убочайшую Тишину,
зрой ты был в плену.

и

паде громада туч росла, но даже ветер был
вздохнуть не в силах.
озен грудой барахла, всей тяжестью нечистого
трепла — я видел их — висели на перилах.
ню разлагающийся снег, я помню лед паршивый,
как короста.
гозеи, как их дождь ни сек, весь день висели
на перилах моста.
ь прошел, закат давно потух, зеленый пепел
по небу развеяв.

Взошли на мост оравы потаскух, очаровать мечтая
ротозеев.
Но тщетно! Ни лихие перья шляп, ни вьедчивость
помады не могла б
Пронять зевак, вниманье их рассеяв.

Но чем же ротозеи увлеклись?
Ах, вскройтесь, фиолетовые вены,
Чтоб пена, мразь и всяческая слизь, шипя, всползли
на городские стены,
Чтоб, изгорбаться, ввысь полез бы лед,
чтоб льдинами приперло пароход
И криком захлебнулись бы сирены!
Проснись, тритон, труби подводный марш!
Ты, откликаясь, ветер, взвой недобро,
Чтоб престарелых деревянных барж вдруг хрустнули
надломленные ребра!
Скорее начинайте ледоход! Бросайте же баржу
на пароход!
Пускай река кольцуется, как кобра!

Река внимала этим голосам. Близ ротозеев потаскухи-
блудни
Зашмыгали, готовясь к чудесам. Их мордочки сизели,
точно студни,
От холода. И, наконец, часам к двенадцати примерно
пополудни
Настала долгожданная пора, и льды, как бомбы,
лопнули во мраке,
Река взревела, мертвая вчера.
В немом восторге корчились зеваки.

И вот тогда-то
Темный пароход
Рванулся к мосту в бешенстве открытом,
И яростный он сделал разворот, и всех зевак с перил он
сбил бушпритом.

И потаскушки падали на лед, и всех их враз всосал
водоворот...

А пароход? Всем корпусом разбитым
Он задрожал и, глухо закричав,
Вдруг ржавой грудью стукнулся о бык он!
И хрустнуло. И, мощен, величав, в кипящий омут
скрылся в тот же миг он.

И сам Нерей, как обер-прокурор, подробно разбирался
в этом деле.

Был справедлив Нерeya приговор:
— Неловко мост бушпритом вы задели.
Но слишком нагло оскорбляли слух
И слишком подло корчились во мраке
Оравы этих мерзких потаскух
И эти полоротые зеваки.

1929

ЛЕТОПИСЕЦ

Где книги наши?
Я отвечаю:
— Они во мгле библиотек.

Но с тихой вкрадчивою речью
Подходит этот человек.
— Идемте!
— А куда зовете? Вы кто?
— Я сельский букинист.
Я дам вам книгу в переплете
Из серебра, где каждый лист
То ал, то бел, то желт, то розов,
То дымчат, как полдневный зной,
То ледянист, как от морозов...

Идемте! Следуйте за мной!
— Но почему в пустую ригу
Меня вы молча завели?
— Терпенье! Золотую книгу
Я выдам вам из-под земли!

Какие-то берет он колья,
Какой-то шест, вернее — цеп,
И отмыкает вход в подполье,
Напоминающее склеп.
Здесь веники, и расстегаи,
И душегреи, и пимы,
Но вот и статуя нагая
Выглядывает изо тьмы.
— Вот, разбирайтесь!.. —
Тишь, прохлада.
Со щами кислыми ушат...
О да! Здесь нечто вроде склада,
И в этом складе — прямо клад!
Да, это мудрость! Но источник
Сей мудрости необъясним:
Я вижу — Даниил-заточник
И Ванька-ключник рядом с ним...
Здесь книги есть для разных вкусов
На полке этой и на той:
Для коневодов — князь Урусов,
Для сердцеведов — граф Толстой.
Волюмы, рукописи, свитки...
Чего-чего тут только нет!
Через оконце жидкий, жидкий,
Трепещущий ложится свет.
Но вот та книга в переплете,
Он о которой говорил.
Действительно, вся в позолоте,
В пыльце, как с бабочкиных крыл.
Читать я начинаю тотчас,
С рисунков не спуская глаз,

Внимательно, сосредоточась...
Прошли минуты или час?
Нет! Дни огромней, чем комбайны,
Плывут оттуда, издали,
Где открывается бескрайный
Простор родной моей земли,
Где полдни азиатски жарки,
Полыни шелест прян и сух,
А на лугах, в цвету боярки,
Поярки пляшут и доярки,
Когда в дуду дудит пастух.

— Вы
Продаете
Эту книгу? —
Я говорю...
Но где же он?
Его уж нет.
Пустую ригу
Я обхожу со всех сторон.
На дворике светло и чисто.
Порхают бабочки в саду...

Вы не встречали букиниста?
Я где теперь его найду?!

1929

* * *

Чему грозят
Сухие днища
Вчерашних барж на отмелях,
Покинутые пепелища
В ломающихся ковылях?

А ничему! Что в чем погрузло,
Исчезнет в древности седой,
Наполнятся сухие русла
Шарообразною водой.

И сквозь молекулярный воздух,
Весь в полумесяцах, в крестах,
Воскреснет небо, только в звездах
Уже не на былых местах!

1929

МАЙ

Я родился в начале мая,
И прекрасно я понимаю,
Что такое разлив весенний:
Это — ветер и гребни в пене,
Это — вывернутые коряги
И затопленные овраги
В ночь, когда над стерней колючей
Подымаются сизые тучи,
Возвращеньем зимы угрожая.
Но и снег в середине мая —
Даже он, говорят, к урожаю!

1930

ДЕТИ ВЕЧНОСТИ

Я гляжу на гигантские лица
Этих тысячелетних детей.
Ничего им на свете не снится
Кроме всяческих детских затей.

Да, сладка вековая дрема!
Пусть бы им никогда не пришлось
Пробудиться от резкого грома
Никогда им не снившихся гроз.

1930

* * *

Ты видел ли, как в час отлива,
Великой жаждой обуян,
Свои же собственные волны
Заглатывает океан?

И кажется — исчезнет вовсе,
Не возвратится никогда
Катящаяся в час отлива
Неудержимая вода.

Что остается? Только лужи,
Все в водорослях по краям!
И замечал ли ты, блуждая
По скользкой гальке возле ям,

Что в них и панцири омаров,
И лапы ржавых якорей,
Как затонувшие доспехи
Исчезнувших богатырей?

Но неизбежен час прилива,
Чтоб снова из бездонной мглы
Обрушились на плоский берег
Тяжеловесные валы.

О, солнце там, на пенных гривах!
Не видишь разве? Вот оно,

Как будто бы на бурных нивах
Бушует зрелое зерно!

1930

ЕРМАК

Еще торчит татарская стрела
В стволе сосны на берегу тобольском,
Смердят непогребенные тела
Там, на яру — еще от крови скользком.

— Мы голову Кучуму отсечем! —
Сказал Ермак. — Сибирь на меч поднимаю! —
Он вынул меч. И боевым мечом
Ударил в землю и разрыхлил землю.

Подходит пленник. Он хитер и стар,
Мурза татарский с жидкими усами.
— Ермак могилу роет для татар? —
Ермак в ответ: — Ее вы рыли сами!

И засмеялся. Острием меча
Он продолжает рыть еще упорней.
Он рушит дерн. И слышно, как, треща,
Растений диких лопаются корни.

Земля, на меч налипшая, жирна:
В ней кровь, в ней пепел от лесных пожаров.
— Кольцо! Достань-ка горсточку зерна, —
Немолотое есть у кашеваров.

...Глядят на атамана казаки
И пленники — праправнуки Батыея.
Летят из атамановой руки
В сырую землю искры золотые.

«Я много ль сеял на своем веку?» —
Так думает страны завоеватель.
Иван Кольцо подходит к Ермаку,
Его помощник и большой приятель.

Ивану заглянул Ермак в лицо,
И шепчет он — тревогой полон голос:
— Как думаешь, дружок Иван Кольцо,
Не вытопчут? Взойдет? Созреет колос?

1930

МЫ

Прадеды, ворочавшие комья
Жирной и податливой земли,
Вы простите, что не агроном я,
А предпочитаю корабли.

Мой корабль давно уже унесся
В черноморский, в средиземный мрак,
Вырос я в России, а не вросся
В чернозем, как многолетний злак.

Только мы, пришельцы из России,
Трепетные данники зимы,
Берег бурь и города сырые
Называли югом, — только мы.

За море! У караван-сараев
Раздается лепет бубенцов.
Мы пришли не слугами хозяев.
Не приказчиками купцов.

Там, где гриву рыжую пустыня
В синем море моет, горяча,

Нам друзья преподнесли в корзине
Голову седого басмача.

На руинах северной имперьи
По ночам туман еще встает,
Но зарницы блещут, точно перья
Пестрых птиц тропических широт.

И недаром, сумрачные с виду,
В одеянии северном своем,
Мы в дворце Гаруна-ар-Рашида
Находили ласковый прием.

И недаром, мне, как гостю, рада,
В шубу из сибирских соболей
Куталась владычица Багдада,
И подарка не было милей!

1930

СОМНЕНЬЯ ГОНЯ

И пришло
Подходящее время
Для того, чтобы сесть на коня,
И ногою почувствовать стремя,
И помчаться,
Сомненья гоня.

Но коня не случилось,
А были
Только пыльные автомобили
С жидким топливом вместо огня,

Чтобы мчаться,
Сомнения гоня.

Предлагали
Еще эскадрилью,
Чтобы мчаться,
Сомнения гоня.
Я не взял. Это все для меня
Было лишним...

В течение дня
Зной палил и дожди моросили.
Сесть в карету меня не просили.
И, уверенный в собственной силе,
Шел вперед я,
Сомнения гоня.

1930

* * *

Для чего задумал он со мной
Говорить и задом и спиной
На каком-то скотском языке?

Я не отвечаю. Я молчу.
Разговаривать с ним не хочу
Даже и ладонью по щеке.

Разве что когда-нибудь в тоске
Где-то на поверхности земной
Я его случайно растопчу!

1930

* * *

О, человек поникший,
Вслух рассуждать не привыкший,
Робкое существо,
Даже не ставший и рикшей
Сам для себя самого,
Но толкачом вагонетки,
Блещет в которой руда,
Не превращаясь в монетки,
Даже мелкие, никогда,
И, как кристаллы соли
В человекообразном столбе,
Едкостью поневоле
Блещешь лишь сам ты в себе!

1930

* * *

Да,
Было время —
Не было луны,
И кое-что об этом помнят люди.

И я такие часто вижу сны,
Что нет на небе никакой луны
И человеком не изобретены
Для наблюдения фаз ее орудья.
И быть луне на небе или нет,
Еще людей ничуть и не тревожит.

Так было древле много тысяч лет,
Но так случиться заново не может:
Не поздоровится нам без луны!

И если осторожность позабудем,
Кто знает, что за камни с вышины
Посыпятся нам на головы, людям!

1930

ПОДСОЛНУХ

1

Сонм мотыльков вокруг домовладенья
Порхал в нетерпеливом хороводе,
Но, мотыльков к себе не допуская,
Домохозяин окна затворил,
И мне, судьбой дарованному гостю,
Открыл он двери тоже неохотно.
Я понял, что ночное чаепитье
Организовано не для меня.

Я это понял.
Что же было делать?
Вошел я.
Сел к столу без приглашенья.
Густое ежевичное варенье
Таращило засахаренный глаз;
И пироги пытели, осуждая;
И самовар заклокотал, как тульский
Исправник, весь в медалях за усердье, —
Как будто б я все выпью, все пожру!

— Она приехала! — сказал художник.
И вот я жду: поджавший губки ангел,
Дыша пачулями, шурша батистом,
Старообразно выпорхнет к столу.
Но ты вошла...

Отчетливо я помню,
Как ты вошла — не ангел и не дьявол,
А теплое здоровое создание,
Такой же гость невольный, как и я.
Жена ему?
Нет! Это толки, враки.
Рожденному в домашнем затхлом мраке, —
Ему, который высох, точно посох,
Вовек не целовать такой жены!

Я это понял.
Одного лишь только
Не мог понять: откуда мне знакомы
Твое лицо, твои глаза, и губы,
И волосы, упавшие на лоб?
Я закричал:
— Я видел вас когда-то,
Хотя я вас и никогда не видел,
Но тем не менее видел вас сегодня,
Хотя сегодня я не видел вас!

И, повторяя:
— Я вас где-то видел,
Хотя не видел...
Чаю?
Нет, спасибо! —
Я встал и вышел.
Вышел на веранду,
Где яростно метались мотыльки.
Ты закричала:
— Возвратитесь тотчас! —
Я на веранду дверь раскрыл широко,
И в комнату ворвалось сорок тысяч
Танцующих в прохладе мотыльков.
Те мотыльки толклись и кувыркались,
Пыльцу сшибая с крылышек друг другу,

И довели б до головокруженья,
Когда б я не глядел в твои глаза.

2

Не собирался он писать картину,
А вынул юношеские полотна
В раздумии: нельзя ль из них портянки
Скроить себе? И тупо краску скреб.
Затем его окликнули соседи.
Надевши туфли, он пошел куда-то,
Оставив полотнище на мольберте
И ящик с красками не заперев.

Заманчивым дыханием искусства
Дохнули эти брошенные вещи,
И я — хотя совсем не живописец —
Вдруг ощутил стремленье рисовать.
Тут маковое масло из бутылки
Я вылил, и на нем растер я краски,
И, размягчив в нем острый хвостик кисти,
Я к творчеству бесстрашно приступил.

Тебя я рисовал.
Но вместо тела
Изобразил я полнокровный стебель,
А вместо плеч нарисовал я листья,
Подобные опущенным крылам.
И лишь лицо оставил я похожим
У этого бессильного подобья —
Прекрасного, но пленного растенья,
Ушедшего корнями в огород.
И хрен седой растет с тобою рядом,
И хнычут репы, что земля на грядах
Черна.
И всех своим нехитрым ядом
Перетравить мечтает белена.

И солнца нет.
За облаками скрыто
Оно.
И огородница подходит,
Морщинистыми, дряхлыми руками
Схватила за прекрасное лицо...

Художник тут вбежал,
Он крикнул:
— Кто вам позволил рисовать?
— Идите к черту! — ему я сдержанно сказал
И тотчас
Покинул этот серый, пыльный дом.

3
— Вы ночевали на цветочных клумбах?
Вы ночевали на цветочных клумбах? —
Я спрашиваю. —
Если ночевали,
Какие сны вам видеть удалось?

Покинув дом, где творчество в запрете,
Весь день метался я, ища квартиру,
Но ни одна квартирная хозяйка
Меня не допустила ночевать.

Они, крестясь, захлопывали двери
И плотно занавешивали окна
Дрожащими руками.
Слишком страшен
Был вид и взгляд мой...

Наступила ночь,
И сумрачно постлал я одеяло
Меж клумб под сенью городского сада.
Но сон не брал. И травы щекотались.
И вороны рычали с тополей.

Так ночь прошла.
Рассвета не дождавшись,
По улицам сырым, туманным, серым
Я вышел за город.
В глазах двоились
Тропиночки, ведущие в поля.

И был рассвет!
Земля порозовела.
В ней зрели свеклы.
Я стоял, вдыхая
Все запахи земли порозовевшей.

Рассвет прошел. И день настал в полях.
Я не стоял — я шел вперед, вдыхая
Медвяный запах длящегося полдня,
Ища чего-то и не находя.
Но голоса растений властно шепчут:
«Ищи, ищи!»
И вдруг на перекрестке
Дорог, ведущих в будущие годы,
Ты появилась как из-под земли.

Ты закричала:
— Где вы ночевали?
Чем завтракали?
Сколько беспокойства
Вы причинили мне своим уходом!
Вторые сутки как я вас ищу!

Все кончилось...
На розовой поляне
Пьем молоко, закусываем хлебом,
И пахнет перезрелой земляникой
Твой теплый хлеб...

Июльская земля
Нам греет ноги.

Ласкова к скитальцам
Всезнающая, мудрая природа.

Подсолнух!
Из чужого огорода
Вернулся ты в родимые поля.

1932

НОЧНЫЕ СТРАННИКИ

«Кто вы, ночные странники, по тротуарам шатались?
Шапки на лоб надвинуты, руки в карманы спрятаны...»
Сада ограда черная тянется, тянется, тянется.
Вдоль я иду, и следует
Рядом
Ночная странница.

Будут за перекрестками ночи еще морознее.
В инее за киосками стынут трамваи поздние.
Словно перед облавою, в темных кварталах паника:
— Слушай, ночная странница,
Разве ты бросишь странника?

Эхо тревожного оклика
Вторится зданьями старыми.
Два наших сложных облика движутся над тротуарами.
И за решеткой заржавленной, там,
где далеко пока еще
Выситя, непоставленным,
цоколь какой-то сверкающий,
Близко ли или далеко ли, —
это когда мы состаримся, —
Там на мерцающем цоколе так мы вдвоем и останемся
Вместе, ночная странница!

1932

ЛЕДЯНОЙ ПЛАЦ

- Есть люди, с которыми я не могу не считаться!
- Ну, что же! Считайся!
- Но слушай. Ночами с тобою должна я скитаться!
- Прекрасно! Скитайся!
- С тобою должна я как будто бы скоро расстаться.
- Я верю. Расстанься!
- Неправда! С тобой суждено мне навеки остаться!
- Я знаю. Останься!

От Каменного моста до Ледяного плаца —
Везде ночами пусто, есть время объясняться.
Сознание цепенеет от снега и от хруста,
И позабыто спорить горячее искусство.

1932

* * *

В старой Вологде,
На пароходике,
Был у капитана я в гостях;
Тикали хронометры, как ходики,
Востерок посвистывал в снастях,
И читали ночью мы Есенина,
И над самой палубой как раз
Было небо звездами усеяно
Вкруг звезды Полярной в этот час.

Мы тогда еще только стремились
к неразлучию.

Ты сказала:

— Заночуешь там! —
Вот, ведь выдуманы по какому случаю

Да и машинист, и кочегар его
Были пароход и капитан,
Были созданы лишь для того,
Чтоб ни молодого и ни старого,
Кроме нас, там не осталось никого!

1932

КРУЖЕВА

Я не знаю — она жива или в северный ветер ушла,
Та искусница, что кружева удивительные плела
В Кружевном сельсовете над тишайшею речкой Нить.
Кружева не такие, как эти, а какие — не объяснить!
Я пошел в Кружевной союз, попросил показать альбом,
Говорил я, что разберусь без труда в узоре любом.
Мне показывали альбом.

Он велик, в нем страницы горбом,
И, как древних преданий слова, по страницам бегут
кружева.

Разгадал я узор — сполох, разгадал серебряный мох,
Разгадал горностаевый мех,

Но узоров не видел тех,
Что когда-то видал в сельсовете

Над тишайшею речкой Нить —
Кружева не такие, как эти, а какие — не объяснить!

Я моторную лодку беру,
Отправляюсь я в путь поутру — ниже, ниже по темной
реке.

Сельсовет вижу я вдалеке.

Не умеют нигде на свете эти древние тайны хранить,
Как хранили их здесь, в сельсовете, над тишающею
речкой Нить.

Славен древний северный лес, озаренный майским
огнем!

Белый свиток льняных чудес мы медлительно
развернем.
Столько кружева здесь сплели, что обтянешь вокруг
земли —
Опояшешь весь шар земной, а концы меж земель
и луной

Понесутся, мерца вдали...
Славен промысел кружевной!
Это те иль не те кружева?
Мастерица! Она жива?
Да жива!
И выходит она, свитой девушек окружена.
Говорит она:
— Кружева мои те же самые, те же самые,
Что и девушки и молодухи. Не склевали наш лен
воробушки!
Не склевали наш лен черны вороны, разлетелись они
во все стороны!
Кружева плету я снова. Вот он, свиток мой льняной.
Я из сумрака лесного, молода, встаю весной.
Я иду! Я — на рассвете!
Встретьте девицу-красу
В Кружевецком сельсовете, в древнем северном лесу!

1932

ЯНВАРКА

Электричество гаснет.
И тьма
Превращает дома в терема.
Терем. Рыхлое дерево.
Мрак,
Снег,
Лай собак

И твой шаг,
Человек?

Да! Вокруг домов-теремов
Я увидел шаги двух пимов.
Но походка овечья ли, лисья,
А быть может, даже и рысья?
Я подумал:

«О, берегись их, этих душ, чьих — поди разбери, —
Потушивших в мерцающих высях электрические
фонари».

Вот какие мелькнули мысли.

На столбах монтеры повисли,
Рукавицами в бездну грозя:
— Чьи-то зубы. Крысьи ли, рысьи.
Ничего тут понять нельзя!

Электричество гаснет.

И тьма

Обращает дома в терема.

О, зима!

Ледокола крутая корма

Тень бросает на мол.

Рано встал ледокол на прикол,

Снег замел ледокол и мол.

От мороза в порту лопнул колокол,

Волка ранило колокола осколком —

Видели в льдину вмерзшего мертвого волка,

Умер волк,

Горло замерзло, и вой смолк,

И такая немая настала тьма.

О, зима!

Эти шутки печальны.

На холодную бухту навалены

Валуны с январской луны,

Валуны холодны и овалыны.

Кто там ходит по проволоке от столба к столбу,
Осыпая снежные хлопья мне на голову?
В этом много таинственного и много наглого.
Чья в морозном тумане сверкнула лазурная пятка?
Голубые глаза,
Золотая коса,
Огневая звезда на лбу —
Акробатка!

Вот поймали, вот сняли, ведут сюда.
— Это вы перегрызли электрические провода?
— Да!
— Откуда у вас звезда?
— Оттуда! Я из созвездия Ориона! —
Отвечает надменно и монотонно.
— Почему вы перегрызаете провода?
— Я не знала запрещающего это закона.
— Значит, вы и носились по крышам, лазурною пяткой
стуча?
— Я!
— А перчатка на дереве чья?
— Это я повесила давеча. Это перчатка моя.

И в горсовете
При свете огарка, покуда идет перемена пробок и
электросварка,
Свои разъяснения дает Январка:
— Провода гудели, как невода, стужа над городом
лиловела, словно вода,
Хотя и далековато, но я надела костюм из космической
ваты и опустилась из созвездия Ориона сюда.
Провода оказались солоноваты, нет, зачеркните —
они показались мне сладковаты,
И я печаянно перекусила их, не думая, что случится
беда.
Мне понравились ваши чудесные города.
Но в комнате жарко. Голова кружится...

И тает Январка. О, горе!
И вскоре
На полу только лужица,
Только лужица малая на паркетном полу,
И начальник милиции пожимает плечами в углу.

И подробности не обнаружатся,
А за окнами начинается выюжица.

О, я знаю немыслимость этих снов-слов,
Но я знаю бесчисленность снежных холмов.
И я знаю: их около триллиона между нами и созвездием
Ориона.

Впрочем, всю их бесчисленность ты знаешь сама,
О, зима!

О, зима!
Снежный хруст
Вновь и вновь серебрист,
Электрический воздух прозрачен и чист,
И морозный флейтист свищет в белом саду,
Там, где Беллы и Аллы танцуют на льду.

1932

ПОХОД НА ВОСТОК

Тихий хозяин полян, прогалин
Жил в еловом доме,
В хате еловой
Спал на соломе,
Белоголовый.

А за морем скрипел флюгерок
Над варяжским домом

И указывал путь на туманный восток
К странам незнакомым.

— Есть в тумане земля, есть в тумане земля,
Межа бурая залежь.

Это видно с корабля, с корабля, с корабля!

К той земле ты причалишь!

Край богат, край богат! И живет там сыто!

Там олень вдвойне рогат, белка трижды плодовита.

Так скрипел флюгерок над варяжским домом,

Он скрипел на восток к странам незнакомым.

Конунг Иорн Железный Бок собирался на восток,

Храбрым был моряком он.

Сизые руки рек ловят уходящее море,

Часк тревожен крик, надвигается темная буря.

Но не тебе ли, рок, все подвластно в мире?

Конунг Иорн Железный Бок знает о будущем пире
на небесах.

Трещины шире и шире на парусах.

Головы стали как гири, лед на усах.

Наискось мчится снег, вздулись в холодной пене

Сизые губы рек — Онеги, Двины, Мезени.

Рокот прибоя бессвязен, грузен волны раскат.

Парус лохмат и грязен, грозен варяг и космат.

Лодками норманнов полнится река,

Согня великанов плывет издалека.

— Покажи, хозяин, что у тебя в доме,

Что у тебя в погребе, что в закроме!

Но встает народ белоголовый:

— Нам с гостями знаться неохота.

Бьет зеленой лапой лес еловый.

— Засосу! — гудит во тьме болото.

Говорит народ белоголовый:

— Возвратись обратно, гость суровый!

Нам милее южные соседи,

Что зовут весною нас из леса,

Слитки нам показывают меди,
Продают блестящее железо!
И поет стрела, летя из леса:
— Я стрела! Из южного железа
Наконечник сделан
Кузнецом умелым!
Совладаю с белым
Я варяжским телом!
...Славяне, хазары,
Мудрые арабы,
Шумные базары,
Каменные бабы,
Тугие арканы,
Витые в Итиле...
Назад, великаны!
Лежать вам в могиле!
Вы к ладьям вернитесь, великаны,
Не пора ль домой в родные страны
Вам, норманны, возвратиться?
И в лесу хохочет птица,
Свищет ветер, шепчут травы:
— Пераа-маа! пераа-маа!

Так мне про девятый век
Шепчут в осеннем полусне сизые губы рек,
Сизые губы рек — Онеги, Двины, Мезени,
Сизые губы рек в розовой снежной пене.

1932

СТАРАЯ РУСЬ

Нет!
Картина для меня ясна:
Даже и в твои еще, допустим,

Лермонтов, бывшие времена
Русь была отнюдь не захолустьем,
А кипела, чувствами полна,
Жизнь не только лишь над невским устьем,
И когда читал ты наизусть им
Сам себя — внимала вся страна:
Тракты, постоянные дворы
И трактиры, где мигали свечи,
Да и бильярдные шары
Прыгали отчаянной картежью
В дни, когда ты гибели навстречу
Поспешал к подножью
Той горы!

1933

СОН ПОДСОЛНУХА

Старый хрен растет со мною рядом,
Стонут репы, что земля черна,
И детей своим нехитрым ядом
Отравить мечтает белена.

Солнце! Скрылось ты за облаками.
Скоро огородница придет,
Мощными шершавыми руками
По венцу тихонько проведет.

— Семя, — говорит она, — созрело!
Мы его поджарим и сгрызем. —
Так открутит голову. А тело
Упадет, ломаясь, в чернозем.

Уцелею ли, простой подсолнух,
Если не сумею в эту почву

Напряженьем сил, еще неполных,
Целкость этих рук превознemoчь?

Ну, рванись! Употреби усилия,
Глядя ввысь, в лазоревую ширь,
Листья, превращаемые в крылья,
Над землею упрямо растопырь.

Ну, рванись! Употреби усилия,
Ведь летает даже нетопырь.
Листья, превратившиеся в крылья,
Над землею мощно растопырь.

Пусть бегут и улица и дворня,
Пусть кричат:
— Сгрызем его, сгрызем! —
Взвейся в небо, осыпая с корня
На головы жирный чернозем!

Но земля,
Упорная, за корень
Уцепилась:
— Ты куда? Постой!
Поволнуйся, горд и непокорен.
Это и зовется красотой!

1933

ЯРМАРКА В АРХАНГЕЛЬСКЕ

в начале тридцатых годов нашего столетия

1

В Архангелпорту
На свежем ветру

Британский корабль
Гудит поутру.

Привстали львы на задних лапах на корабельных
вымпелах,
Вдыхают львы медовый запах тяжелых бревен, плотных
плах.

В Архангелпорту
На свежем ветру
Пришелся им запах такой по нутру.
Вдыхают львы медовый запах колючих северных

лесов,
А моряки, топчась на трапах, внимают шуму голосов.

— Здорово, рыбак!

— Здорово, моряк!

— Пойдем поскорее! Поднят флаг!

— Чего ты везешь?

— Пшеницу, рожь.

— Вот масло, а вот

Усть-Кубенский мед!

— Вот лук!

— Вот гусак!

— Эй, взвесь на весах!

— Приехали мы торговать молоком!

— На площади митинг открыл Ярмарком!

Танцуют львы на задних лапах на королевских
вымпелах,
А моряки, толпясь на трапах, о русских говорят
делах.

И моряк говорит с моряком: — Положительно
не пойму,
Кто зовется у них «Ярмарком»? Это имя дали кому?

2

Россия! Ты дразнишься алого флага девическим
языком.

По порту расклеена всюду бумага. И подпись на
ней: «Ярмарком».
Будь ласкова с моряком — скажи, кто такой Ярмарком?
И, словно в ответ, над речной переправой трепещут
моторов сердца,
И с левого берега на берег правый товары плывут
без конца.
Эй, спать не ложись, моряк! Зорко гляди во мрак!
Не белое кружево ранней метели повисло над
бурой Двиной —
То с юга плывут кружевные артели, подняв свой
стандарт кружевной.
Упали как снег кружева на гриву британского
льва.
А утром, когда предрассветный морозец подернет
заливы ледком,
Увидите вы, как румяных колхозниц встречает в
порту Ярмарком.
Багряным осенним венком венчают они Ярмарком!
— Привет, Ярмарком! — Вот, обутые в бродни, идут
зверобой с рыбаком.
Им теплую встречу готовит сегодня не кто-нибудь,
сам Ярмарком!

3

Да, сто кораблей в ожидании бревен
Стояло в Архангелпорту.
А судохозяин — тяжел, полнокровен,
Клычки золотые во рту —
Остался Британией править сурово...
Но он застучит кулаком,
Услышав про новое русское слово,
Звучащее: «Ярмарком».

1933

Нелюдима́я моя,
Ты любима́я моя!
Старый город весь порос травой,
Укрепление береговое
Точно так же поросло травой.
Мы по городу ходили двое
В этот вечер — только ты да я.

Город стар,
Город сед,
Городу тысяча сто сорок лет.

Нелюдима́я моя,
Ты любима́я моя!
Я домой тебя повел.
Вдруг откуда-то пахнуло гарью смол,
Медным медом азиатских пчел,
Теплотой нагретых песков,
Пламенем восточных угольков.
Духота перед дождем.
Я сказал: — Домой пойдем!
Нелюдима́я моя,
Ты любима́я моя!

Ночь тиха. Весь город под дождем.
Я проснулся. Сырость входит в дом.
Нелюдима́я моя,
Ты любима́я моя!
Ты лежишь спокойно, ровно дышишь,
Ничего не видишь и не слышишь.
Я лежу, за тучами слежу,
Я в окно открытое гляжу.

Город стар,
Город сед,
Городу тысяча сто сорок лет.

Дом стар,
Стар забор,
Стар бульвар,
Стар собор,
Стар за городом бор.

Я лежу, за тучами слежу,
Вот на город взор перевожу.
Что такое там алеет,
Тускло искрится и тлеет?
Неужели это тлеет покосившийся забор?
Тлеют дом и забор,
Тлест старый собор...
Неужели это уголек,
Зароненный где-то в уголок,
Прилетевший с ветром уголек
Превратился в огонек?

Дождь, а город тлеет изнутри,
Розовеет, вспыхнет весь вот-вот.
Отраженным светом фонари
Загорелись всюду у ворот.
Алым дымом полон влажный сад,
Петухи повсюду голосят.
Где-то ведер зазвенела жесть,
Старый дворник к речке побежал.
В колокол ударили раз шесть,
Водовозов конь заржал.

Нелюдима моя,
Ты любимая моя!
Город стар,
Город сед.
Мне над этим городом рассвет
Показался как пожар!

1933

ВОЛОГДА

На заре розовела от холода
Крутобокая белая Вологда.
Гулом колокола веселого
Уверяла белая Вологда:
Сладок запах ржаных краях!

Сладок запах ржаных краях,
Точно ягодным соком полных.
И у севера есть свой юг —
Стережет границу подсолнух.

Я согласен, белая Вологда.
Здесь ни холода и ни голода,
И не зря в твой северный терем
Приезжал тосковать лютым зверем
Грозный царь, и на белые стены
Восходил он оплакать измены.
Но отсюда в град свой стольный
Возвращался он, смирный, довольный,
Вспоминая твой звон колокольный...
Сладок запах ржаных краях!

И не зря по твоим берегам,
Там, где кремль громоздится в тумане,
Брел татарский царек Алагам,
Отказавшийся от Казани...
Вот и я повторяю вслух:

— Сладок запах ржаных краях!
Кто здесь только не побывал!
По крутым пригоркам тропа вела.
Если кто не убит наповал, —
Всех ты, мягкая, на ноги ставила.

То-то, Вологда!
Смейся, как смолода!
Тело колокола не расколото.

Синеглазый лен,
Зерен золото.
И пахала ты,
И боронила ты,
И хвалила ты,
И бранила ты...

Сколько жизней захоронила ты,
Сколько жизней и сохранила ты —
Много зерен здесь перемолото.
Так-то, Вологда,
Белая Вологда!

1933

МИС ОБВ

Мис ОБВ, Мис ОБВ!
Северный ветер суров.
Мис ОБВ, Мис ОБВ — снежный скрежещет покров.
Ты, рудокоп, ты, зверолов, знаешь ли смысл этих слов?
Слушайте, люди тундры, моря и островов, повесть
о Мис ОБВ!
Кто окликнул со снежных троп? Это Мис ОБВ.
Шлемы круче надвиньте на лоб, наденьте полярную
обувь,
Пойдите, узнайте: зачем Мис ОБВ бродит вокруг
сугробов?
Она вроде девушки, с ней знаком я, как знаком и
ты.

Ты когда-нибудь склонялся над васильком? Любил ты
эти цветы?
Видел ли ты цветы, зверолов, ты нюхал цветы,
рудокоп?
Ну так вот: глаза голубей васильков у этой Мис ОБВ.

Мис ОБВ, Мис ОБВ!

Из горячей земли восстав,
Славят тебя миллион корешков, и многолетних трав,
И однолетних трав, и лепестков, и стручков,
и разноцветных грибов.
А капуста тля и древесный клоп тебя ненавидят,
о Мис ОБВ!

Сад — родина наша, цветущий сад.

В зелень его обрывается круто

Многоэтажный тяжелый фасад сельскохозяйственного
института...

Там-то от разных плодов ты отпробовала, Мис ОБВ.

Но погоди! При свете костров...

Вот ты пришла на конец земли, нас ты нашла
на далекой стоянке.

Лица у нас грубые, круглые, словно рубли бледной
неясной холодной чеканки.

Горы мы рубили и руды гребли, рушили груды
промерзлой земли,

Мы, рудокопы. Среди рудокопов что ты найдешь,
Мис ОБВ?

Что ты разыщешь в стране рудокопов? Здесь ничего
не росло века!

Разве что мамонт, по тундре протопав, древнюю травку
уронит с клыка.

Но призрачны мамонт и травка. Опытов с ними
не сделаешь, о Мис ОБВ!

— Слушайте! — отвечает Мис ОБВ, вся в озаренье
полярных ознобов. —
Солнце, как бледный гелиотроп, проросло из сугробов.

Там, где земля, а не вечный лед, солнце вливается
в злаки и плод.
Здесь же, наоборот, — солнце среди сугробов,
Только оно, как цветок, цветет, только одно цветет,
только само цветет!

Так отвечает Мис ОБВ!

О, шепот лесов, мычанье быков, рев верблюдов
и жарких песков —

Благостный отзвук далеких миров.
Струи молока — ласковая музыка о донце ведра
из серебра.

Холодно. Стынет кровь! Снежный скрежещет покров.
Жбан консервированных бобов катят на пир рудокопов
через горы снежных сугробов

Люди твои, Мис ОБВ!

И начинается пир. Распивается рыбий жир,
чтоб не застыла кровь.

Пляшите у костров, чтоб не застыла кровь,

Вы, рудокопы и звероловы!

Ты гостьей будь, Мис ОБВ, меж рудоколов
и звероловов!

Пришла ты без пути, не ведая дорог,
Так солнце защити — единственный цветок, —
О, девушка земли, во льдах ликуй и пой
И солнце опыли живительной струей!

1933

Примечание. Эти слова только тени едва зародившихся мыслей, и мне лишь понятен смысл этих слов. Это все промелькнуло в зимний час, когда я взглянул на вывеску Машинно-истребительной станции объединения по борьбе с вредителями растений, сокращенно: МИС ОБВ.

ЯСНОЕ СОЛНЦЕ

Я, зажмурившись, подумал: «Солнце!»
И сцепились буквы вдруг в кольцо,
Образуя мыслимого солнца
Ясное и красное лицо, —
Безо всяческих зловещих пятен,
И протуберанцев, и корон...

Я дремал на солнце. Был приятен
Этот мой немудрый полусон,
Будто вправду озарило солнце
Лес, и ос, и сонное сельцо,
И под солнцем я лежал на солнце,
Бросившись на свежее сенцо.

И тогда я поглядел на солнце,
И не то, что был я ослеплен,
Но как будто бы затмили солнце
Пятна в черном образе ворон,
И они в глазах моих плясали,
Налетевшие со всех сторон,
Каркая, что нет на свете солнца
Без протуберанцев и корон!

1934

ДЕРЕВЬЯ

— Как ваше здоровье, — спросил я, — деревья? —
Деревья молчали вначале.
Скучали? Презреньем встречали?
Едва ли.
Они тосковали.
Вдруг скрипнула ива:

— Здорова! —
И сосны ворчливо:
— Мы живы! —
И тут зашумели и справа и слева
Деревья, качаясь от скорби и гнева:
— Твои непонятны нам мысли!
— Скажи откровенно, в каком это смысле
Ты задал вопрос?
— Расскажи нам про это!
— Здоровы ль? Какого ты хочешь ответа?
— Ты хочешь рубить? Но кому мы помеха?
— Есть люди, которым рубить нас — потеха!
— Иные же древообделочным цехом
Считают весь мир. Но имеют ли право?
— Стыдись! Незаконная это расправа! —
Вскричала крушина, гнила и корява.
Но этой старухе ответил со смехом:
— Ты мхом и грибком обросла, точно мехом,
И вовсе ты зря беспокоишься, право!
Спокойно земные посасывай соки,
О, древнее, ветхое, сонное древо!
Твое червоточиной тронута чрево.
Есть более молоды, стройны, высоки
Деревья! —
И те, что молчали вначале,
Теперь закричали в припадке печали!
— Как нас величали!
— Под нами венчали!
— Венчали венцами!
— Любили сердцами!
— Ах, вам не удастся в древесную массу
Нас всех превратить! —
И от скорби затрясся
Весь лес. И еловые лапы хлестали.
Как белые осы, пушинки летали...
Восстали!
Восстали деревья!

Но крикнул тогда я:
— Вас всех обманула старуха седая!
Ее червоточиной тронута чрево.
Послушай, береза, о белая дева,
Сосна, что гордишься своей прямою,
Осина, обиженная клеветою, —
Послушайте все вы! Дика ваша злоба.
Вы наши друзья с колыбели до гроба,
От люльки друзья, чье качанье нам любо
В еловом тепле пятистенного сруба,
До гроба, что ждет нас, сколоченный грубо.
Венцы, на которые ставится зданье.
Венки на гуляньях и венки в бане.
Кресты, что стоят на глухих перекрестках, —
Зеленая плесень осела на досках.
Язычник из дерева идола тешет,
Коньком деревянным дитя себя тешит,
Повсюду ты, дерево! В дружбе ты с нами.
Ты, нас согревая, бросаешься в пламя,
Ты нас одаряешь своими плодами...
Но разве владеем мы только садами?
В хрустальные вазы поставлены розы,
Но слышите свист — это дикие лозы
В руках у жестокости свищут зловеще.
Все это весьма непохожие вещи.
Кому же и ведать об этом? Не мне ли?
Вы часто, деревья, в печах пламенели,
Но, вам я сказать без смущенья осмелюсь,
И сам я горел, чтоб другие согрелись!
И я топором был под корень подрублен.
Но не был погублен, я не был погублен!
И сам я летел оперенной стрелою.
Я знаю грядущее, помню бывшее! —
Сказали деревья:
— Ты должен бояться,
Что люди, прислушавшись, станут смеяться,
Как ласково ты побеседовал с нами! —

Запели деревья:
— Мы это оценим!
Ты с нами хорош. Мы тебе не изменим.
Мы примем тебя в хоровод шелестящий,
О ты, на деревья с любовью глядящий! —
Так пели деревья, вершины вздымая,
Желанья и мысли мои понимая.
Так пели деревья, ветвями качая,
О чем-то еще рассказать обещающая.

1934

В МИРЕ СОРНЫХ ТРАВ.

За горизонтом,
В мире сорных трав,
Где блещут солонцовые плешины,
Лежат ничком старинные машины.

Старинные...
Сказавши так, я прав.
Агрикультура знает много тайн.
Таинственен и сложен чрезвычайно,
И вовсе не походишь на комбайн
Ты, предок современного комбайна!
Не лошадьми ль толкаемый вперед,
Возник из австралийского ты зноя?
Австралия!
Там все наоборот!

А вот еще чудовище иное:
Котлы, каких не видывал и ад, —
К их тяжким чревам ржавчина пристала.
Вы не жалели черного металла,
Конструкторы, полсотни лет назад!

И напролом ломилась эта сила,
Как будто паром был он сыт и пьян,
Такой Ойль-Пул.
И вот его могила,
И шелестит вокруг него бурьян.

Здесь,
За холмами,
В мире сорных трав,
Где над солончаковою плешинной
Крушины ствол возвысился, коряв, —
Стою я перед мертвою машиной
И отхожу, ни слова не сказав.

Но думаю:
«Всегда бывает так!
Еще недавно твердь под ним дрожала,
Все грохотало,
И толпа зевак,
Ликуя, как за чудищем, бежала.
И вот теперь
На грани роковой
Лежит недвижен, ржав, тяжеловесен.
...А иногда
Бывает таковой
Судьба людей,
Идей
И старых песен».

1935

УТЕШИТЕЛЬ

Свободные в суждениях своих,
О многом мы сумели столкнуться,

Но и поныне в чувствах кой-каких
Стесняемся друг другу признаваться,
Хотя бы и в интимнейшем кругу.

Вот, например:
Я вам ничуть не лгу
И рисоваться вовсе не намерен,
Но я буквально слышать не могу,
Когда рыдают женщины.

Уверен
И сам бываю:
Все же это вздор!
Лиха беда! Поплачет — перестанет!
Но не могу те слезы с неких пор переносить!
Жестоко это ранит.

Мне в молодости было все равно.
А вот теперь, когда подходит старость,
Вдова ль заплачет, пьющая вино, —
Я ощущаю и тоску и ярость,
Иль школьница чернильное пятно
В тетрадь посадит и ревет от кляксы, —
Я не могу, хоть самому смешно,
Из-за какой-то волноваться плаксы.

Не верите?
Так я открою вам,
Взялась откуда жалостливость эта.
Не улыбайтесь простоте ответа...
А дело в том, что я когда-то, где-то,
Но женщину заставил плакать сам.

1935

КРЫСЫ

Я штурман,
Шкипер,
Ноем звать.

Бунтовщиков бы надо заковать,
Но, зная, что над ними я не сжалюсь,
Они исчезли, скрылись, разбежались...

Один сажу,
Пуст кубрик —
Никого!

И пассажиров нет ни одного:
Они — медведи, волки, пумы, лисы —
Уже гуляют по сырой земле.

На корабле
Остались только крысы.
Еще попискивают в трюме где-то,
Не убегают:
Добрая примета!

1935

ГОСТЬ

Дочь бакенщика купалась, жена в огороде копалась.
На пожне курчавилась кашка, жужжала, объевшись,
букашка,

Шуршала на крыше солома...
Встал бакенщик, вышел из дома,
Прилег на припеке, хозяин протоки.

Рухнул в реку глины пласт, шлюпка ткнулась в яр
форштевнем.

Гость в таких краях нечаст.
По кустам и по деревьям

И по рекам этим древним покати́лась эта весть:
«Есть гость! — Кто гость? — Бог весть. —

Ну пусть!»

Раздается плеск и хруст, свист и шелест — все

о том:

«Гость в дом тебе, бакенщик».

Разбудил гость старика:

— У тебя, смотри, твой бакен весь утятами

обкрякан!

Посмотри на фонари, стекла тряпками протри!

— Что ты! Так не говори! Все в порядке фонари.

У меня жена и дочь, они могут мне помочь.

А ты откудова прибыл? Издалека? Ты чего здесь

ищешь?

Удивил гость старика:

— Скоро, дед, засвищешь!

— То есть как это? А?

— Скоро станет глубока ваша мелкая река,

Побыстрее вода пойдет, и пройдет пароход там,

где был

Куриный брод.

Вот каков наш план работ!

— Что ты говоришь?

— Там, где был твой огород, зашумит водоворот!

Печь топится,

Жар копится,

Лечь спать никто не торопится.

Гость прилег в углу на скамью и как мог утешал

семью:

Мол, водоворот не зальет огород, шалая вода

не порвет

невода.

А вода уже клокочет, хоть не так, как гость

пророчит.

Крышу дома дождик мочит, будто кровлю пилит, точит.
Бревна похрустывают, будто что-то предчувствуют.

Дочь промолвила:

— С утра

Поймай, папа, осетра —

Ухой гостя накормлю!

Уху любите?

— Люблю.

— Вот и сварим осетра! —

Мать сказала:

— Спать пора... Спать...

«Ты пришел покой ломать», — мыслит бакенщица-мать.

«Я не прочь тебе помочь», — мыслит бакенщица-дочь.

А бакенщик?

Курит табак он и смотрит на бакен.

А бакен?

На водах безмолвных

Колеблется, точно подсолнух.

1936

ХРАМ МЕЛЬПОМЭНЫ

Это недавно случилось. Вчера. Ночью.

Выводы сделать настала пора. В клочья

Рукопись некую я изорвал ночью.

Так никогда еще не тосковал. В клочья!

Древность. История. Что-то не то... Что же в итоге?

Я в пиджаке. Я имею пальто. Я же не в тоге.

...Выйди из дома, если не спишь ночью.

Стены. Витрины. Намокших афиш клочья.

Слышишь ты этих лохматых бумаг шорох

На почерневших заборах!
Видишь: их ветром угнало во мрак ворох.

...Прямо не знаю, как я успел. Ровно к началу.
Кто-то, наигрывая, где-то пел, что-то звучало.
Напоминала церковный алтарь сцена.
Храмом твоим назывался встарь, о Мельпомена,
Этот кирпичный уютный чертог. Ладан
Или другой сладковатый дымок, шел от лампад он
Ввысь к куполам по зеркальным полам
Из-за кулис там, где хлам по углам свален
Близ разгороженных пополам исповедален.
Сладкий дымок. Шел меж всяких реклам вдаль он.
Я понимал: где-то — будто гарем. Теплятся свечи.
Что может быть, чем пахучий кольдкрем, едче?
Теплятся свечи. Это зачем? Словно папессы,
Были актрисы в ризах ротонд, как дьяконисы,
Отпевали провалившуюся пьесу.
Боже, это была одновременная панихида,
Но, в общем, никто не подавал и вида,
Будто и вправду рычал злодей, сердце билось,
Пьеса из жизни добрых людей длилась.
Так кого же отпевали, скажи на милость?

— Пьесу! Я тебе говорю. Я над тайнством поднял
завесу.

— Да ну тебя к бесу. Черт тебя знает, что ты
говоришь!

— Я говорю: ты сегодня не спишь ночью.
Стены, витрины, намокших афиш клочья.
Слышишь ты этих лохматых бумаг шорох?
Так! О чем же еще я хотел тебе рассказать?
Ну, конечно, не о билетерах.
Вот что скажу: в темноте, заглянув в ложу,
Слышу я:

«Что же «Мистерия-буфф»?»

«Позже...»

«Позже? Когда же?»

— Ты слышишь афиш шорох?

Видишь, их ветром взметнуло до крыш, рвет

на заборах?

— Нет, я не вижу, — ты молвишь, взглянув. —

Честное слово!

Слушай, а правда, что эту «Мистерию-буфф»

Совсем не обязательно воспроизводить из слова

в слово

И что ее можно дополнять снова и снова?

1936

ДУША ИРТЫША

Из голубого Китая

Идет она, золотая...

А кто побывал на Зайсане,

Тот хочет вернуться

На Тополев мыс, над которым

Индийские птицы несутся.

Через ущелье Алтая,

Медом его налитая,

Течет река золотая

Все дальше, на север...

Слышишь ее капитанов?

Слышишь — поет рыбак?

Сквозь Казахстан,

Через дрему урманов —

Путь в ледовитый мрак!

А однажды из Нового порта
Угнало баржу с пушшиной,
И ее не сумели спасти моряки,
А речной капитан на речном пароходе
Со старой машиной
Вышел в бурю и спас,
Потому что он с нашей реки!

И англичане, гостившие в этих морях,
Взлетая на гребни валов-исполинов
И снова мечась на своих якорях,
Кричали:
— Ура, капитан Чудинов,
Веселый Чудинов с волшебной реки!

И если есть у реки душа,
То она таится не в зарослях камыша,
Не в тине затонов, под сенью туманов,
А обитает эта душа
В груди вот таких капитанов!

Вот где живет душа Иртыша!

1936

ПЛЕННЫЙ ШВЕД

— В Перми есть пермень. В Златоусте есть золото.
Я видывал Азию. Глазом солдата
Смотрел я на Азию. Очень богата!
Вот я расскажу, что я видел когда-то:
Послушайте вы, молодые ребята!

Я Карлусу храброму не был изменник, —
Нас честно побили. И вот, бедный пленник,

Больной и в лохмотьях я был и без денег.
Мне в Питере булочник-немец дал пфенниг,
Но пфенниг истрачен, я снова без денег.

Царь Петер сказал: «Швед! Вы сделались нищим.
Но вы не печальтесь, вам дело подышем!»
...Телега гремит. На восток кнутовищем
Ямщик показал: «Там не будешь ты нищим.
Там станешь ты жирный, с тугим животищем!»

И пьян конвоир. И одна с ним беседа:
«Не выпить ли, швед, нам с тобой до обеда!»
«О, ваша победа! Не надо обеда!
Пусть смерть угостится останками шведа!»

А лес все сосновее. Сосны да елки,
Все сосны да елки, все сосны да елки!
Зеленые, острые, злые иголки
Прилипли к мундиру, торчат в треуголке.
Вот через Тобол мы плывем на тоболке,
И снова качаются дикие елки.

И тут есть Сибирь. На ее косогоре
Я встал и смотрел. Я забыл свое горе.
О боже! Драконоподобные зори
Стоят над востоком, как будто в дозоре!
Все ярче, все жарче. Путь к югу. И вскоре
Сверкнул солопчак — пересохшее море.

Меня поразило величье такое.
Но дальше мы мчимся, и нет мне покоя!
И вижу я крепость над мутной рекою,
Из крепости этой над мутной рекою
Выходит начальник и машет рукою.

И мне говорит он: «Помощник мне нужен!
Коль станете, швед, вы мне искренне дружен.

То будет подарок богатый заслужен —
Я вам подарю пресноводных жемчужин!»
И я говорю: «Я вам искренне дружен!»
И он отвечает: «Зову вас на ужин».

Веселый был ужин. Мы сделались пьяны.
Мы пили и строили многие планы:
«Что Санкт-Петербург нам? Там дождь и туманы!
А в нашем владенье восточные страны!»
О том говорили, как сделались пьяны.

И был я как викинг, а он как боярин.
Мы делали вместе обход соловарен.
«Мы сами с усами! И что нам Гагарин!
Сей злой губернатор над нами не барин.
Он есть лихоимец, хитер и коварен!»
Но Петр все знал сам. Мудрый был государь он.

«Вам шумствовать хватит, собакины дети! —
Так Петр нам сказал. — Захотели вы плети?
Гагарин виновен. Он будет в ответе!
А вы отправляйтесь к далекой Эркетн.
Где золото есть, там на карте отметьте,
Чтоб стали нам ведомы россыпи эти!»

И вот я в Сибири не стал домоседом.
За русским начальником двигался следом,
Служил и способствовал новым победам,
Победам петровским над турком, над шведом.
Недаром Россия кормила обедом!

И вот — год за годом, поход за походом —
Со славным сдружился я русским народом.
Он мирный народ, но привычен к походам.
Острастку и нашим он дал воеводам.
Царь Петер! Великим ты правил народом!

Когда же ордою Цевана Роптана
Мы были обложены возле кургана,
Нам гибель грозила. Но помощь неожиданно
Пришла от Петра. Мы прогнали Роптана!
В сражении этом получена рана,
А также заслужен и чин капитана.

Я рапорт писал! Я за все благодарен —
За чин и за дом, что казною подарен.
Я жив, а казнен лихоимец Гагарин.
Женат я на русской. Мой сын русский парень.
Я есть православный. Я веником парень!

О, Петр дал мне все. Мудрый был государь он!

1936

ФИНИКИЯНЕ

Вы знаете —
Кто такие вы?
Все выяснено? Все решено?
А может быть, ваши предки —
Не кто-нибудь, а финикияне?

Эти
Древние финикияне,
Торговцы и заодно
Отличные моряки, они
Когда-то давным-давно
Обогатили Аттику
Великим искусством письма,
Чтоб создали греки грамматику
Блистательную весьма.
И эти же финикияне

Ходили когда-то встарь
На Балтику
По янтарь.

И я не особенно верю вам,
Откуда вы можете знать,
Под генеалогическим деревом
Сидящая гордо знать, —
Быть может, взят в плен и не выменян
На что-нибудь, вроде чаш,
Какой-нибудь был финикиянин,
Неведомый предок ваш!
Мало ли что приключалось встарь!
Прежде чем сюда пришел апостол Андрей,
Финикияне на побережье этих морей
Приобретали янтарь.

1936

ПОЭМЫ

АДМИРАЛЬСКИЙ ЧАС

1

Парад. Толпы нестройный гул.
Бомонд вокруг премьер-министра.
— Шеренги, смирно! На к'раул!..
Колчак идет, шагая быстро.
И помнишь —
 рейд. Республиканцы.
— Колчак, сдавай оружие нам! —
Но адмирал спешит на шканцы
Оружье подарить волнам.
И море страшно голубое:
— Жить, умереть, не все ль равно?
Лети, оружие золотое,
Лети, блестящее, на дно!
А после —

 Омск. И пыльный май.
Киргиз трясется, желт и глянец.
Его узорный малахай —
Экзотика для иностранцев.
Моторов шум, торговцев крик...
Капризничают интервенты.
Коверкать английский язык
Пытаются интеллигенты.
Самарцы в каждом кабаке
Свой «шарабан» горланят хором.
И о великом Колчаке
Бормочет пьяный под забором.

2

Над зданиями флаги яркие,
Но город сер и немощен.

За кладбищем, в воздушном парке,
Французских аппаратов стон.
Идут белогвардейцев взводы,
Переключаясь и шумя;
Сторожевые пароходы
Плывут по Иртышу, дымя.
Вот к набережной мирный житель
Спешит, сопутствуем женой,
Смотреть, как черный истребитель,
Шипя, вползает в Омь кормой.
Стремительный автомобиль
Сбегает с наплавного моста.
Соленая степная пыль
Покрыла город, как короста...
И всюду — беженская тля.
Сенсации ей надо громкой:
— Вечерний выпуск! Близ Кремля
Пристрелен Троцкий пезнакомкой!
— Мсье Нулланс царскую семью
Увез в автомобиле крытом, —
Так уверяет интервью
С архангельским митрополитом...
А в общем — гниль. Эсерский вздор.
Конец бы этому кагалу! —
И вот крадется, словно вор,
Посол казачий к адмиралу.
О том узнавшие — молчат.
Лишь шепчут старые вояки,
Что волк морской степных волчат
Готовит к предстоящей драке.

3

А в «Люкс», «Буффало» и «Казбек»
И в залы дорогих гостиниц
Глядит прохожий человек
С таким же чувством, как в зверинец.

Возможен ли народный гнев,
Дерзнут ли выступить повстанцы,
Когда туземок, опьянев,
Взасос целуют иностранцы?
Таков неписанный закон!
И коль француз угоден даме,
То русский, хоть и возмущен,
Но удаляется задами...
Жара. И в дорогих мехах
Сопят красотки, как зверухи,
Делец хлопочет, впопыхах
Жилет не застегнув на брюхе.
Купить-продать он все готов:
Валюта, спирт, медикаменты,
Не покупает лишь домов, —
Спокойней есть апартаменты.
Какие? — Например, экспресс.
Вы помните судьбы уроки? —
В Самаре сел, а после слез
Ну, скажем, во Владивостоке...
Ах, стала б Хлоя в этот час
Беспутнее, чем Мессалина!
Ведь плата страсти: первый класс
От Омска прямо до Харбина.
А те, кто, честью дорожа,
Удобный пропускают случай,
Пусть путешествуют, дрожа,
В теплушке вшивой и вонючей.

4

Вот юноша (неловок он
В шинели длинной, офицерской)
Насилует здоровый сон
Он по ночам в таверне мерзкой.
Но юноша идет туда
Не пить и не забавы ради —

Поэтов сонных череда
Там проплывает по эстраде.
И песенка у всех одна —
Читают медленно и хмуро,
Что к гибели присуждена
Большевиками вся культура...
Вот девушка, она мила.
Из Мани превратилась в Мэри.
Она присуждена была
Чекой Московской к «вышей мере».
За что? — не все равно ли вам!
И тень на личике невинном:
Она недоедала там
И... торговала кокаином.
Теперь: наряды, хлеб в избытке,
Театр, купанье в Иртыше,
Наикрепчайшие напитки
И жуть, какая по душе.

5

Но алый пламень не погас, —
Он в хижинах мерцал нередко.
Угрюмых слов и дерзких глаз
Не уследила контрразведка.
И ночь была и был мороз,
Снега мерцали голубые,
Внезапно крикнул паровоз,
Ему ответили другие.
На паровозные гудки
Откликнулся гудком тревожным
Завод на берегу реки
В поселке железнодорожном.
Центральный загудел острог.
Был телефонов звон неистов:
— Приказ: в наикратчайший срок
Прикончить пленных коммунистов! —

И быстро стих неравный бой.
Погибла горсть нетерпеливых.
И егеря трубят отбой.
У победителей кичливых
Банкеты, речи и вино.
И дам, до ужасов охочих,
Везет гусар в Куломзино
Смотреть расстрелянных рабочих.

6

Был день последний бестолков.
— Падет ли Омск? — кипели споры
Пьянчуг, а внутрь особняков
Уж заглянули мародеры...
А вечером, часам к восьми,
Просторы степи стали мглисты,
И, чтоб под Омском лечь костями,
Вооружились гимназисты.
Но мягким снегом замело
Иртышский берег — поле боя.
И боя не произошло.
Без боя отдали бывшее.
Киргиз-погонщик закричал,
Затерянный в лохмах метели.
И, потянувшись на вокзал,
Обозы четко заскрипели.
Бегут вассалы Колчака,
В звериные одеты шкуры,
И дезертир из кабака
Глядит на гибель диктатуры.

.
Морозным утром город пуст.
Свободно, не боясь засады,
Под острый, звонкий, снежный хруст
Вступают красные отряды.
Буржуй, из погребца вылазь!

С запасом калачей и крынок,
Большевиков слегка страшась,
Идут молочницы на рынок.
Обосновавшись у лотка,
Кричит одна, что посмелее:
— Эй, красный, выпей молока,
Поди-кось нет его в Расее!

1924

*Повесть, излагающая истинный случай,
происшедший во второй половине XIX века*

1

Меч дикарский зазубрен и ржав. Рисковать головой
безрассудно.
Европеец, плечами пожав, приказал возвращаться
на судно.

Вождь вдогонку:

— Бледнеешь, мой гость? Так бледнеют воры
и трусы!
Ты в обмен на слоновую кость дал мне бусы,
стеклянные бусы.
Ты хвалил их, щелкал языком, говорил, что они
драгоценны,
Но при встрече с французским купцом я узнал
настоящие цены.
За слоновую кость мне француз дал железо и пестрые
ткани,
А в придачу для девушек — бус. Люди честные есть
в океане!

2

— Эти негры стали очень прытки — скоро нас
оставят в дураках!
Облачась в цилиндры и визитки, кекуок танцуют
в кабаках.
Но не лезть же в самом деле в ящик из-за этих
распроклятых бус!
Много бус еще у нас, приказчик? —
И приказчик молвит:
— Полный груз! —

Что ж, купцу не привыкать скитаться! Целый век он
ходит по морям.
Почему бы нам не попытаться сбыть товар сибирским
дикарям?

3

Бушуй, норд-ост, реви, труби!
Вот лижет лед губа Оби.
Раздуй, норд-вест, небес пожар!
Кружи над морем пух гагар!
Меха одежд сибирских дев
Прельстили бы и королев.
Сибири! К концу твоей земли
Купцы корабль свой привели.

4

Со времени пожара Мангазеи в ту бухту не входили
корабли,
И северяне, на корабль глаза, понять, в чем дело,
долго не могли.
— Но этим людям водки пара бочек, и все они
друзья с тех пор навек, —
Так разъяснил сибирский переводчик, из Пустозерска
взятый человек.
— Мужи-медведи! Девушки-гагары. Приблизьтесь
к морю!

На конец земли
Прекрасные заморские товары купцы к вам из-за моря
привезли.

Как счастлив тот, кто купит и наденет на грудь
кольцо блестящих бубенцов! —

Спросил дикарь:

— Почему купец их ценит?

— Все ожерелье стоит двух песцов.

— Так неужели всю большую лодку, — захохотали
дикие мужи, —

Стекляшками набили вы? Нет, водку, да порох,
да железо покажи!
Меха тепло дают, и водка тоже. А что стекло?
Оно — подобье льдин.
Нет, на стекло меха менять негоже. Узнай о том,
заморский господин.

5

И не было злобы. Была усталость.
Избороздив моря,
Вдруг понял купец: на земле не осталось ни одного
дикаря.
Топливо вышло. Котлы остыли. Весь мир стал подобен
Полярной звезде.
И только льдины плыли, плыли при полном безветрии
по черной воде.
И кончилось все так тихо и просто: купец приналег
на ром,
Когда ледяная короста сомкнулась над кораблем.

6

Ночью над местом аварии тусклый мерцающий свет.
Это не радиолярии — в море полярном их нет.
Стражник безмолвия белого, видит со льдины тюлень:
Судна оледенелого в бездне колышется тень.
Бледная россыпь стекляруса искрится тускло на дне.
В море ни дыма, ни паруса. Путь кораблей в стороне.

1925

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ

I

В горах живет один народ —
Тринадцатое поколение
Носителей седых бород
И ненавистников куренья.

Где папоротник пухл от сырости,
Где топь болот и пузыри,
Девчонки, не успевши вырасти,
Уже идут в монастыри.

В горах сурово благочестие.
И ты поймешь, конечно, сам,
Что старовер свои поместия
Считает ближе к небесам.

II

Но горожанин финский нож
Вогнал глубоко в горный щебень:
— Свои богатства отдаешь,
Земной волны застывший гребень!

И если скалы высоки,
То динамитом рвем мы скалы...
А вслед за нами босяки
Идут неслышно, как шакалы.

Ненавистен гость непрошенный,
Нарушающий покой,
Но не страшен камень, брошенный
Тонкой старческой рукой.

Мы — строители дороги!
Старики, что в нас стреляли,
Все давно сидят в остроге,
Да и выживут едва ли.

А подростки — телом крепки,
Пьяны бешенством мирским, —
Бреют лица, носят кепки,
Чтоб служить по мастерским.

Больше нет в горах монашек —
Стали женами давно.
С ними пьем из общих чашек
Мы медовое вино.

1927

Кажалось, он все это видит во сне.
 Тюрьма в керосиновом смрадном огне,
 Оледенелая грязь...
 Скомандовали:
 -- Залазь! —
 Втолкнули в машину. Она понеслась.
 Знобило. Одеться не дали ему. Он знал: не вернется
 обратно в тюрьму,
 Где стоны, тяжелые вздохи,
 Где весят полпуда замки у дверей,
 Где тощие крохи гнилых сухарей, где жирные блохи.
 В тюрьму не вернется. Навстречу летят избушки,
 заплоты косые,
 Мелькнул перекресток. Витрина. Плакат — призыв
 к возрождению России.
 Закрыло сугробом. Но вот и опять — Россия со
 скорбью во взоре.
 Удастся ли вам, идноты, распять Россию на омском
 заборе!
 Промерзлая плесень, кровавая слизь на бревнах,
 на камне, на плахах —
 Все сзади. Все призраки вспять понеслись — орда
 в башлыках и папах.

Снег хрустит.
 Дым из труб.
 Дам толстит пышность шуб...
 Руки в муфту, нос в горжет...
 Ну а если шубы нет? Только — драповый жакет?
 Было очень хорошо б, чтобы ветер сек не в лоб.

Дальше — пустое дело.

...Шорох в снегу уловимый едва.

Девушка видит: из темного рва чья-то показывается
голова медленно и несмело.

Страшный. Без шапки. Полураздет. О, как озаряет
лунный свет длинные черные ноги!

Выполз. Широкий кровавый след тянется по дороге.

— Я не покойник. Тише, мадам! Тише, прошу.

Не кричите! —

Сел. Присмотрелся к кровавым следам. Властно

сказал:

— Затопчите!

Ну, затопчите скорее ногой, чтоб не осталось
крови! —

Темный, без шапки, полунагой. Сердится, хмурит
брови.

Вздвогнув, сказала:

— Да, да. Помогу. Вы успокойтесь. Я вмиг добегу.

Живо прибудет карета. Из лазарета.

Вот вам жакетка. Наденьте пока.

Вот вам платок. Забинтуйте пока. Очень болит

рука? —

Но не успела ни снять платка, ни расстегнуть
жакета —

Встал человек.

Схватил за плечо. Молвил негромко, но внятно:

— Что вы там выдумали еще! Я ж из тюрьмы.

Понятно? —

Свежий снежок заметает след.

След не ведет в лазарет.

3

Заявление написано:

«Прошу вас выдать мне в счет жалованья аванс»...

— Только ради ваших прекрасных глаз!

— Большое спасибо, господин главный врач.

Благодарю вас.

Деньги получены. Можно идти.
Ветрено, вьюжно. Невидим почти
Город за снежной тучей.
Видно, стемнеет не позже пяти...
Ладно! Заглянет она но пути прямо на рынок
толкучий.

Вот он, базар. Он шумит, как всегда. Боже мой, кто
не стремится туда...
Бабы и дамы, солдаты и господа — все устремляется
туда.
Давят друг друга, лезут вперед, чтоб протолкаться
сквозь узкий проход
Рыночных ветхих, скрипучих ворот к сердцу толчка,
где сцепился народ
В странный, смешной меховой хоровод...
Всякое тут предлагают добро: старые бальные
платья,
Шубы, золото, серебро, средства против зачатья,
Свечи церковные, пух, перо, где-то краденный спирт,
золотой — за ведро, образа, портсигары, распятия,
Опиум с маркою «Лопато», читинские сигареты...
таблетки:
Кто-то показывает из-под пальто подозрительные
«Гидрохлорикум? Есть! Муриатикум? Есть! Вот
сульфурикум! Недорогое
Перуанское снадобье. Кофеин! Аспирин! Кокаин?
Это дело другое.
Это стоит... Ну, ну, молодой человек... Не найдете его
ни в одной из аптек —
Значит, — если хотите — платите».

Боже, чего только здесь нет!

Девушка, кутаясь в жакет, идет через рынок зябко.
И хором торговцы вопят ей вслед:
— Эй, налетай!

— Приобретай!
— Шубка!
— Шапка!
— Горжет!
— Шляпка!

Было бы нужно и это и то. И шубка и шляпка такая.

Но — деньги!

— Мне нужно мужское пальто. Мне шапка нужна
мужская.

— Значит, для милого дружка! —

Хамы! Уйти поскорей бы с толчка.

А если купить и себе и ему? Может быть, денег
хватит?

Не хватит.

— Я дамских вещей не возьму!

Вздыхая, она платит.

4

В щели меж ставен неяркий луч.

Все ли спокойно?

Он заперт на ключ, этот человек, приведенный
в полночь.

Может быть, днем вломилась в дом белая сволочь?

Может быть, в доме все вверх дном?

Быть может, засада там за окном?

Все может быть...

На морозе жгуч, входит в замочную скважину ключ.

Что бы то ни было, только — скорей!

Нет, это он. Это он у дверей!

— Вот, я одежду вам принесла. Видите — узел. Едва
донесла.

Это вам пригодится. Вот рукавицы. Пестры? Но зато
Крови на них не заметит никто, если сквозь бинт
просочится.

...Прошлая ночь. Окровавленный снег. Полунагое
тело.
Этот высокий человек, ушедший из-под расстрела...
Как его звать? Как его звать, он и не скажет,
конечно.

Ясно — об этом нужно молчать.
Следует чаем его угощать,
Нужно развлечь. Но с чего бы начать?

И она говорит беспечно:
— Что же! У каждого горе свое. Хоть не живи
на свете...

Ох, и опротивело же мне офицерье. Знаете,
в лазарете

Больше здоровых, чем больных.

— Хамят?

— До отвращения... Только и дела, что гонишь их
из дежурного помещенья.

Вот был, знаете, случай с одним подлецом. Я ему все
сказала:

«Что, — говорю, — устались вы? Выбросьте это
из головы!

Вы, — говорю, — не шутите с лицом медицинского
персонала.

Я, — говорю, — покажу еще вам, жоржик, герой
из обоза!»

Гость, улыбаясь, прислушивается к словам этой
девушки, розовой от мороза.

...Ночью, вчера, зарываясь в снег, под обломки
автомобиля,

Лишь об одном мечтал человек: только бы не добили,
Только бы не замерзнуть во рву, не пристынуть ранами
к яме...

Думал он: неужели еще оживу? Обмороженными ногами
Неужели пойду? Доберусь ли в бреду до товарищей,
до подполья?

Или где-нибудь в снег под забор упаду, побежденный
ознобом и болью?

В этом городе — знал он наверняка — были члены
Сибирского ЦК, если только они уцелели —

Штаб восстанья есть где-то здесь. Но пока...

Далеко до своих, и тюрьма далека... Забинтована шея,
и ноет рука. На девичьей сидит он постели.

Он хотел увидеть Валентину, Петра, что в подполье
скрываются где-то,

Но пока, — как бы он мог подумать вчера! — перед ним
эта девушка, эта сестра,

Да, сестра милосердия, простая сестра из бандитского
лазарета.

Удивительно! Что побудило ее? Риск — немалый!

Застенок. Могила.

А добыла одежду, купила белье, адвокатскую шапку
купила.

Только ли надоело офицерье?

И, на девушку эту глядя в упор, он спросил:

— На работе давно ли?

— Я? Я кончала в шестнадцатом. Курсы сестер.

— Где учились?

При фельдшерской школе. Я на Западном фронте
была. После — в тыл.

Но война догнала и досюда.

Человек встал. Поблагодарил.

— Мне пора.

— Вы уходите? Хватит ли сил?

— Ничего. Вам бы не было худо.

Сознаете, наверно, все это для вас основательная

угроза. —

Так он сказал, не сводя глаз с этой девушки, все еще
розовой от мороза.

Все было сделано. Человек ушел перед рассветом.
 За окнами падал снег. Но ей было душно, как летом.
 Бросила кофточку на кровать, на жаркое одеяло.
 Постели решила не открывать. Долго еще простояла
 возле окна. И не было сна.

А в семь утра пошла, как всегда, на работу сестра.

И день был как день в лазарете.

А в полдень на город взглянула она.

И вдруг поняла: ведь близко весна.

Но, боже, какая идет весна. В намокнувшей шубе,
 темна и гневна, трубит:

«Приближаюсь! Встретьте!»

И, словно прощаясь с жестокой зимой,

Смеялась она, возвращаясь домой.

И дверь отворила скрипучим ключом, не думая ни
 о чем, —

Ни где он сидел, ни где он стоял.

Легла, не раздевшись, поверх одеял,

И сразу, от мысли про близость весны, пришли,
 окружили глубокие сны:

Июльские грозы с веселым дождем,

По небу играющий гром

И радуги мощные дуги.

И будто она на зеленом лугу

Поет и играет в девичьем кругу.

Далекого детства подруги!

И вдруг закричали:

— Мы после придем. Мы после придем, а пока
 мы уйдем!

Смотри: кто-то входит к вам в дом!

И входит он, в шлеме, оружием звеня,

Пришелец из мира иного.

«Я здесь! Это — ты? Ты узнала меня? Ты видишь —
 явился я снова!»

Часть первая

1

Поручик отставной Петров с учениками был суров,
Не уставал напоминать:

— Политику извольте знать! —

Вот и сейчас, вошел он в класс:

— Испытывать я буду вас... Я говорил вам много
раз —

Владыки сопредельных стран давно покорствуют
России,
Так вспомним же: кокандский хан нам отправлял дары
какие

В тысяча восемьсот тридцать первом году?

Ну-ну! Скорей ответа жду!

Ты отвечай, Нур Мухамед!

Молчишь? Не можешь дать ответ.

Не помнишь? Спросим Увенькая.

Ответствуй.

Увенькай встает и тотчас же ответ дает:

— Даров тех опись есть такая:

Бухарской сто локтей парчи, джюнгарской свиток
чесучи,
Джелалабадские шелка, песку золотого два мешка,
Монголы, взятые в полон, и слон.
слон.

— Ты прав! Ведом был белый слон. Скажи —
дошел докуда он?

— Не доходя и до Тобольска, сдох слон на
Иртыше:

Слону студено было, скользко идти по первой
пороше.

— Ты прав! Здесь нет слонам дорог.
Садись. За твой ответ пятерка.
А кто не выучил урок, тому сегодня будет порка! —
Истории учитель строг.

2

Полковник Шварц, угрюм с лица, имел отзывчивое
сердце.
Для мальчугана-иноверца полковник заменил отца.
За стол садились один простой обед делить
по-братски —
Раб молодой и господин. Текла их жизнь
по-холостячки.

Спросил полковник:

— Ну, дружок, какой сегодня был урок?

Чему учили нынче вас? —

И начал Увенькай рассказ...

Воскликнул Шварц:

— Петров дурак! Он учит вовсе вас не так, —

Таит он, что кокандский хан в вышеозначенном году

Затеял дерзостный обман, себе, конечно, на беду.

«Глаза, мол, русским отведу, слона, мол, русским

приведу!»

России в подданство просясь, сказав «покорствовать

желаем»,

Переговоры вел с Китаем о том же самом хищный

Вот и послал послов-пройдох... Но их назад мы князь.

Не от мороза, а от пули индийский слон в степи

завернули.

Теперь ты понял, милый друг?

Подох!

Учиться кончишь ты когда, —

Пошлем тебя туда, на юг, во туркестански города.

Разведывать ты будешь там, ходить за ханом
по пятам.
Его повадки изучи. Тебя готовим в толмачи.
Но, если в дебрях той страны годок побудешь
ты не зря,
Тебе и бóльшие чины мы исхлопочем у царя! —
Шварц, речь закончивши, зевнул, лег на кушетку
и заснул.
Раб потихоньку встал, идет из горницы на огород.
В траву он ляжет на обрыв и будет отдыхать, дыша
Прохладным ветром Иртыша. И книжку вынет и,
раскрыв,
Займется чтеньем не спеша.
Та книга очень хороша!

3

Прекрасна книжка!
Как-то раз в воскресный день, после обедни,
Шел Увенькай в полдневный час из крепости в аул
соседний,
Где жил приятель Садвокас.
Шел и мечтал, что Садвокаса нацедит четверть
кумыса.
Вдруг видит: некая коляска стоит в степи без
колеса.
Пошел обратно с кумысом толмач дорогою прибрежной
И видит, что ямщик небрежный все возится над
колесом.
Вот два солдата трубки курят. Сверкают острия
штыков.
Седок поодаль брови хмурит и книжкой гонит
мотыльков.
— Скажи, джалдас, он кто таков? Из ссыльных,
что ли, поляков? —
Спросил толмач у ямщика.
И был ответ его таков:

— Сей барин не из поляков, из русских он
бунтовщиков.

Его, должно быть, года три не выпускали из оков.
В Ялуторовск из Бухтармы на поселенье из тюрьмы
Его везем в коляске мы. С ним осторожней говори!
Его пугались цари, страшилися государй!

Чтоб свергнули государя,
Сей барин подстрекал солдат
Четырнадцатого декабря
Двенадцать лет тому назад.
Вот он каков. Иди-ка, брат! Сюда приблизился ты зря.

4

Пошел толмач. Вдруг слышит крик. То окликают
бунтовщик:

— Эй, друг киргиз, остановись! Продай,
пожалуйста, кумыс! —

Подходит Увенькай, дает бутылку путнику.

И барин

Из горлышка прежадно пьет. Он говорит:

— Спасибо, парены! То не кумыс, а чистый мед! —
А книжку сунул он под мышку, не закрывая. В эту
книжку

Глядит толмач. Там есть портрет.

Изображает он парнишку пятнадцати, не больше, лет.
Он, щеку подперев рукой, сидит, парнишка толстогубый,
Курчавый парень, белозубый... Узнать бы, кто это

— Напился! Больше не хочу! — промолвил
такой? путник

От жажды гибнул я. Ты спас. Возьми двугривенный,
толмачу. —

Толмач ответил:
джалдас! —

— Полдень жарок, песок в степи кругом горяч.

Пусть будет, что тебе в подарок я дал кумыс! —

— Я не богач! —

Воскликнул путник. —

Но с лихвою

Я твой подарок отдарю! —

И трубку с львиной головою он протянул.

— Я не курю!

— Так что же дать знакомства ради? Ну, вот —
серебряная брошь. —

Но Увенькай, на книжку глядя, молчал и думал:

«Сам поймешь!»

Так получил он эту книжку в обмен на чашку кумыса,
И все узнал он про парнишку, чьи так курчавы волосы.
Воскликнул пылко бунтовщик:

— Мой друг, хочу тебя обнять

За то, что ты любитель книг! —

Смеялись конвоиры.

Гнать

Им мальчугана было лень, —

Был зноен, душен этот день,

Смерчи клубились на дорогах...

5

«В ауле, на своих порогах,

Черкесы праздные сидят.

Сыны Кавказа говорят

О бранных, гибельных тревогах...»

Но что это? Шуршат шелка. И чья-то нежная рука,
Легка, душиста, горяча, вдруг промелькнула у плеча.
Кто обнимает толмача?

Кто говорит:

— Бонжур, мой друг! Ах, как забавен твой испуг!
Как ты краснеешь, ай-ай-ай! Что ты читаешь,

Увенькай? —

Молчит толмач. А к книге тянется девическая рука,
Алеет нежная щека за кружевом воротника...
Архиерейская племянница, как ты стройна и высока!
Девика спрашивает ласково:

— О Увенькай! Давно ль ты глух?

Я вижу — «Пленника кавказского»

Читаешь ты. Прочти же вслух!

Я знаю: «...на своих порогах черкесы праздные сидят».

О чем черкесы говорят?

Ну-ну! Читай мне все подряд, о чем черкесы говорят.

Но обожди... Последний лист в сей книжице почти что
чист,

Здесь окончание стишка... —

Метнулась девичья рука, и нет последнего листка.

«У итн-бала, собачья дочь, листок ты рвешь из книги
прочь!

Зачем листы ты рвешь из книг?» —

Хотел толмач промолвить вслух,

Но стал горяч, шершав и сух неповоротливый язык,

От злобы захватило дух.

А дева прячет за корсаж посеребренный карандаш.

— Вот письмецо! Не мни, не мажь.

Полковнику его отдашь!

6

Чертополох прильнул к полыни, лопух обнялся

с беленой.

Бушует зелень на вершине стены старинной крепостной.

Бушует зелень. Ветер жарок. Он южный, он жужжит

и жжет.

Врывается под своды арок старинных крепостных

ворот.

Его гуденье, шелестенье заполнило ночную мглу.

Шумя, колышутся растенья на старом крепостном валу.

Такие ночи лишь в июле случаются в краю степном.

Казак стоит на карауле на бастиионе крепостном.

И вдруг он слышит: кто-то дышит, вот вздох и снова
тихий вздох.

— Эй, кто там ходит, кто там бродит, гнет на валу
чертополох? —

Казак вскричал:

— Ау, ребята! То не сержантова ль коза? Лови ее!
Пошла куда-то! —

Молчи, казак! Протри глаза!

Не выйдешь ты из-под аресту, а то и выдерут лозой, —

Как смел полковничью невесту назвать сержантовой
козой!

7

На бруствере сух хруст песка, тропиночка узка.

И слышится издадека, как плещется река.

Раздался голос:

— Не споткнитесь. Поберегите глаз. Здесь
карагач.

— Не беспокойтесь. Была я здесь не раз.

— Любовь моя, вы не боитесь гулять здесь
в поздний час?

— Я не боюсь, мой храбрый витязь. Надеюсь я на
вас!

— Любовь моя, вы знаете — в степях опять мятеж!

— Ах, вечно у кочевников мечты одни и те ж!

— Верны нам ханы. Но на ханов чернь ополчается
везде.

Бунтовщик Исатай Тайманов восстал в Букеевской орде.

А также Утемисов некий творит преподлые дела.

Молва об этом человеке по всем аулам проплыла.

— Они ж далеко!

— За Уралом. Но и у нас найдешь таких.

Из Каратау мне доносят о подлых шайках воровских.

Там есть в горах один мятежник. Воззвал:

«Страшиться, я приду!

Веду я бедных на богатых, я счесть с крепостью сведу».

Мятежник сей наказан будет, в большую попадет
беду —

В тысяча восемьсот тридцать шестом году
Не может быть нападения на Омскую крепость!

— Ведь это ж наглость и нелепость! — в ответ
невеста говорит. —

Коль сунется мятежник в крепость, ему жестоко
нагорит! —

Где ж он теперь, кайсак мятежный?

— Близ укрепления Каралы!

Но вы не бойтесь, друг мой нежный, ему куются
кандалы.

Для супротивного кайсака уже куются кандалы.

Я сам их кузнецам заказывал, они крепки и тяжелы!

Тут южный ветер из пустынь дохнул, пахуч, горяч.

Шарахнулись ковыль, полынь, и дрогнул карагач.

И девушки раздался вздох, — вдруг вспомнила она,

Что цепок здесь чертополох, дурманит белена.

— Сколь сладко пахнет здесь травой! Лопух —
и тот расцвел! —

На бастионе часовой глаза во тьму отвел.

Блуди, коза, блуди, коза, смущай народ честной,

Близка военная гроза над крепостной стеной!

Близка гроза нль далека — тоска у казака.

На бруствере уже замолк тяжелый хруст песка.

Замолк песка тяжелый хруст, и бруствер как бы пуст,

И лишь чертополоха куст дрожит в горячей мгле.

Папахн мех курчав и густ. Уста коснулись уст.

Скрипит трава, трещат стебли, прижатые к земле...

— О, это дело было так, — сказал полковник. —
Есть у Тары

Екатерининский маяк. Там торг.

Киргизы и татары,

Калмыки и джунгарцы даже порой съезжаются туда.

Там производится всегда рабов свободная продажа.

Мальца купил я у монгола за три с полтиной серебром,

Крестил мальчишку, отдал в школу — пусть вспомнит
он меня добром.

И знаете, к нему не строг. В жестокости не вижу прока.

Случается, что дам щелчок, когда не выучит урока,

Но обижать — помилуй бог!

Нет! Он оплачен серебром, ему забот нет ни

о чем,
Пусть вспомнит он меня добром, он будет бойким
толмачом.

Он уже и теперь не только по-русски,

Но и по-арабски и по-китайски хорошо читает
и пишет...

Всю Увенькай беседу слышит. Стоит потупившись,
не дышит...

Все знает Увенькай, все помнит: родной аул, войну,
разгром,

Монгольский плен и путь на рынок, маяк, стоящий
за бугром,

Приезд полковника... Полковник платил казенным
серебром.

Раб знает, для чего он куплен и отдан в школу
толмачей:

Чтоб, с виду будучи не русским, знать тайну всех
чужих речей.

Он знает: выучат законам, да и пошлют потом шпионом
Разведывать в Кокандском царстве, где не смолкает

звон мечей,

Где не смолкает свист камчей, где камень гор еще
ничей.
Там убивают толмачей... А ведь в Коканд пошлют, ей-ей!
Затем и обучают смеяться, хитрить, кланяться.
— Он сколько лет у вас останется?

— Покуда в школе толмачей. —
Заулыбалась, вся румянится архиерейская племянница.
К полковнику прижалась. Тянется шлейф ее платья.
И они уходят в глубину зала, где тускло млеют
созвездия свечей.

Часть вторая

I

По воле юной новобрачной преобразился дом
невзрачный:
Фарфор в столовой, бархат в спальней,
Блестит в гостиной пол зеркальный.
Преображенная квартира для Увенькая не мила,
Она до свадебного пира куда уютнее была.
Былой уют, о, где ты, где ты?
Табак, бутылки, пистолеты
Валялись в куче под столом...
Так, размышляя о былом,
Толмач сидит один на кухне.
Он грустен. Холода пришли.
Вся крепость в ледяной пыли, снега дорогу замели.
«Эй, гасни, печь, свеча, потухни,
Казенный дом, рассыпся, рухни,
Исчезни, Омск, с лица земли!» —
Так он колдует про себя.
Вдруг сзади подошла хозяйка:

— Тебя сегодня в школу не отпускаю, —
 полковница сказала Увенькаю. —
 Мне на базар сходить сегодня нужно, боюсь, что завтра
 будет и вовсе вьюжно.

Пойдешь и ты со мной нести покупку.
 Возьми корзинку и подай мне шубку.

Трубит восточный ветер, метель пророча.
 Он мучит, жжет и колет, летя навстречу.
 Из труб нисходят дымы обратно в печи.
 Еще жесточе
 Вьюга будет к ночи.

Она исщиплет веки, залепит очи.
 Так злы зимы восточной последние потуги.
 Ну, что же! В час урочный взвивайтесь, вьюги!
 Метет буран, но торг идет горячий на площади.
 Шумит базар казачий.

В рядах мясном, молочном, рыбном, птичном
 Идет хозяйка с видом безразличным.
 И в лавочках свечных, мучных и хлебных
 Не слушает она речей хвалебных,
 Что произносят на степных наречьях
 Торговцы в шубах козьих и овечьих
 И в малахаях песьих, лисьих, волчьих.
 Полковница везде проходит молча.
 Какое ей дело до всякой базарной сволочи!

Тут Увенькай увидел Садвокаса.
 Привез дружок продать сыры и мясо.
 Сказал он тихо:

— Увенькай, здорово!
 Сырым-Батыр в степи явился снова.
 В орде Букея позади Урала
 На хан Джангира вольница восстала! —
 ...Но говорить им удалось немного, —
 Полковница на них взглянула строго.

Во взоре том угроза и остратка.
Сказал толмач:

— Прощай, о Садвокаса! —

А Садвокас:

— Прощай, о Увенькайка!

Как вижу я — строга твоя хозяйка! —
И скрылся Садвокас среди кайсаков.
Он затерялся, с ними одинаков.

Домой идут.

Сеть кружев выюжных

Опутала редут.

Со стен наружных

Свисают на форштадт гирлянды снеговые.

Но что это кричат на вышках часовые?

— Гей! Тройки степью мчат!

— Наверно, из России!

!

Полковник, отобедав молча,
Встает.

— Я снова должен в полк!

Откинул кучер полость волчью.

Бич свистнул. Скрип полозьев смолк
В проулочке...

— О, боже, боже! —

Полковница вздыхает. — Ах!

Так каждый день одно и то же... —

В окно взглянула. Ну, и что же?

Да то же самое!

В снегах

Вся крепость тонет.

Ветер гонит

На бастионы снежный прах.

Полковник скрылся в здание штаба.

Домой вернется он не скоро.
По карте крупного масштаба
Он реки, горы и озера
Страны киргизской изучает.
Он в штабе. А жена скучает!
Ничто его домой не манит.
Полковник занят, очень занят!

О, неужели выстрел грянет на бастионе крепостном
Когда ж, когда ж покой настанет
В стране киргизской, в краю степном?
Когда? Об этом мы не знаем. Все лживы. Никому
не г

И вот беседу с Увенькаем ведет хозяйка через
дверь

— Эй, Увенькай!

— Я слышу вас.

— О чем беседовал в тот раз

Ты на базаре целый час с киргизом? Кто он?

— Садвокас.

— Мне наплевать, что Садвокас. О чем беседа
у

Ты бормотал: «Сырым-Батыр».

— Нет, я спросил: «Что стоит сыр?» Сыры
он продавал ове

— Не головы ли человечьи?

— Нет, госпожа. Овечий сыр!

Я говорил: «Твой сыр хорош!»

— Ложь!

Я не верю! Все ты врешь. Беседа не о том была! —
О, подлый раб! Он полон зла.

Он, верно, рад, что Карала на крепость Омскую
восст

В степях, где мрак, в степях, где мгла,
Свистит аркан, гудит стрела —
Его сородичей дела!

У, подлый раб! Его б драла весь день, раздевши
догола!

Всю ночь бы провела без сна, его драла бы
докрасна,

Всего бы плетью исхлестала!
Полковница с кровати встала

И медленно выходит в зал.

Там, на стене, среди забрал,

Кольчуг, шлемов и щитов

Висит коллекция кнутов, камчей, бичей, плетей,
хлыстов

Есть у полковника хлысты — одни толсты, другие
гибки.

О подлый раб, узнаешь ты, как строить за дверьми
улыбки!

Вот что-то ошупью взяла и медленно к дверям
пошла.

Был смутен, беспокоен взор.

Но до порога не дошла —

В окошке всколыхнулась мгла,

И дрогнул ледяной узор на изморози стекла.

То грянули колокола. К вечерней службе звал
собор.

5

Гудят, гудят колокола!

И пустынна улица была.

Спала. Но вот из-за углов вдруг появляются
солдаты.

Хруст снега. Гром колоколов как орудийные
раскаты.

Идут саперы, и стрелки,

И пушкар, и казаки.

Идут толпой, идут не в ногу, спешат, бегут через
дорогу,

И тени их, мелькнув в окне, скользнув по каменной
стене,

10

Напоминают о войне.
Тогда, почувствовав тревогу,
Кричит хозяйка:
— Увенькай!
Скорее шубу мне подай:
Пойду и я молиться богу!

Она готова в путь. Но вдруг во все окошки слышен
стук

— Хозяйка дома, казачок? —
Влетают девы на порог
И, не снимая шубок даже, лишь распахнув их на
грудь

Бегут к полковнице:

— Куда же идти ты хочешь? погоди!
Из Петербурга весть пришла!.. —
...Вотще звонят колокола.
Великопостные напевы вотще в соборе тянет хор.
Теперь уж не поспеть в собор...
Взволнованно щебечут девы:
— Он был курчавый, как араб!
— Он был ревнив. Поэты пылки!
— Его убить давно пора б!
— Он яд развел в своей чернилке!
— На грех вернулся он из ссылки!
— Он неискusstный был стрелок!
— Ну, вот! Палил он даже сидя!
— Ах, как ужасно!
— Некролог прочтете в «Русском инвалиде».

И долго девы лепетали про Николая, про Натали.
Но наконец они ушли. И стало пусто в темном
зале.

И снова вьюжный вечер длится. Одна полковница
томится

Столица! Шумная столица!
В кавалергарда на балу

Эрот пустил свою стрелу.
Ну что ж! Дуэлы! Извольте биться,
Коль захотелось вам влюбиться.
А здесь? От мужа не добиться,
Чтоб приласкал. Здесь счастье снится.
Что делать? Плакаться, молиться,
Рычать, как лютая волчица?
В опочивальне на полу на волчью шкуру опуститься,
И в мех коленями зарыться, и лбом о волчий череп
биться

Перед иконами в углу?
Какая жалкая судьба!

Совет полковница раба:

— Эй, Увенькайка! На дуэли, ты слышал, Пушкин
твой убит?

Предерзок этот был пиит. Его остроты надоели! —
Раб Увенькай в дверях стоит.

— Ты слышал — Пушкин твой убит?

Да. Он убит. А ты, калбит, сегодня мною будешь
бит.
Рассказывай, о чем ты шептался на казачьем базаре
со своим Садвокаской?!

и

Он, окровавлен, бос и наг, был выброшен на
солончак.
Соль проникала в поры, жглась. Все тело облепила
грязь.

А ноги связывал аркан.
Так присудил кокандский хан —
Чтоб был мучительно казнен с поличным пойманный
шпион.

Кончалась служба толмача.
Он задыхался. Саранча вокруг носилась, стрекоча и
крылышками щекоча

Ему лицо. Томился он.

И вдруг он понял — это сон,

Бред, вздор, предутренний кошмар.

Здесь не Коканд, здесь не Кашгар —

Он в Омске.

Свешиваясь с печи,

Томит иссеченные плечи овечья шуба горяча.

И тараканы, шеборча, бегут от первого луча,

Проникшего через оконце.

Неяркое, но все же солнце

В окошко светит, трепеща.

В халате и без шаровар из спальни вышел злой

хозяин

Он в ссоре, видно, с Айналаин.

— Эй, Увенькай, ставь самовар! —

Раб выскочил из-под овчин. Раб быстро наколот

лучин

Проворен раб. Всему учен.

Вот самоварчик вскипячен.

— Извольте пить, пока горяч.

— Подай-ка, кстатн, сухарей.

Все выполнено.

Из дверей толмач выходит поскорей.

7

Толмач выходит поскорей, по снежной улице идет.

Вдруг видит: у штабных ворот толпа веселых

писарей.

Они тяжелый ящик через ворота тащат,

А сзади в шубе волчьей чиновник, злой и желчный,

Бежит, крича тревожно:

— Эй! Легче! Осторожно!

На снег углом не опускай! —

...Промолвил тихо Увенькай:

— Что тащите вы, писаря?

Подарок от государя.

— Какой?

А видишь ли, убит

Один столичный житель,

Пит, что всюду знаменит,

Прекрасный сочинитель.

И некого печатать там,

И потому отправлен к нам

Печатный новенький станок!

Понятно ли тебе, сынок? —

Хитро злословят писаря, между собою говоря:

— Ах, как я рад! Доволен ты?

— Уж отдохну теперь я!

— Гусиные до темноты

Скрипеть не будут перья, —

Циркуляры, формуляры, постановления, уведомления,

приказы, указы —

Все на станке теперь будем печатать!

Полковник допивает чай.

— Чего ты хочешь, Увенькай! Скажи скорее.

Я спешу!

— Я вас о милости прошу.

Какую милость просишь ты?

— Хочу я изучить шрифты.

Я с русской грамотой знаком, с арабской грамотой

знаком, с китайской грамотой знаком,

Хочу работать за станком.

Печатанье мне любо книг.

— Добро придумал, баловник!

Что ж! После школы каждый день в печатню будешь ты
ходить.

Учись, когда тебе не лень. Я разрешаю. Так и быть!

Полови ко мне правителя канцелярии —

Я отдам распоряжение, чтоб не забыть!

1

— Работы много, друг, у нас, — сказал правитель
канцелярский. —
Перепечатай сотню раз правительственный указ,
Да пожирней, указ-то царский!
И губернаторский приказ. Вон тот:
«Бий-Чоп с ордой дикарской в степи ворует
атбасарской...»

— Так точно. Слушаю я вас! —
Чинovníк, кашляя, ворча, все ходит возле толмача.
— Ты молод. Потрудись и ночью.
А я устал. Вздремнуть не прочь я. —
И вот ушел.

Чадит свеча, и мышь, за шкапом шеборча,
Грызет бумаги грязной клочья.
Тоска. Работа без конца. Но пальцы гибки, руки
ловки.
Хватают цепко за головки тяжелых литер из свинца.
Текст, подписи и заголовки.
Итак: «Мы, милостию божьей». Приступим к делу.
Дальше как?
Вот, на мыслёте непохожий, попался в руки легкий
знак.
Рцы. Рцы и надо! Эти строки с рцы начаты. Звучали
так:
«Редел на небе мрак глубокой...»
Ну да! Редел на небе мрак...

«О, Пушкин! Ночь еще темна. Еще темна над степью
почь.
Есть баба в крепости одна. Полковница, собачья
дочь.

Из книги вырвала она последний лист, сказала —
«чист»!
Пусть ночь я проведу без сна — восстановлю я этот
лист!
Я не забыл прекрасных строк. Звонят подобно
серебру.
Я отпечатаю листок и в книгу вклею поутру».

2

Толмач трудился три часа, на окна и на дверь не
глядя.
Светало. Искрилась роса.
Птиц зазвучали голоса.
...Чиновник хитрый, как лиса, тут к толмачу подкрался
сзади
И вдруг схватил за волоса.
— А ну-ка, дай мне, Увенькай,
Что отпечатал за ночь. Ну-ка!
Быстрее оттиск мне подай!
Э! Что такое? Вот так штука!
Я занемог, я спать прилег,
Тебе доверился я сдуру,
А ты печатаешь стишок...
Гы предъявлял его в цензуру?!
Ну, раб, с тебя мы спустим шкуру!

Зловеще звякнул ключ в замке.
Крича, бежит чиновник в город.
И мыслит Увенькай в тоске:
«Теперь жестоко буду порот.
Ах, жизнь моя на волоске!
Но, впрочем, нет, не буду порот».

3

Толмач рубаху быстро снял,
Перетянул бечевкой ворот, и рукава перевязал

Он тонким крепким ремешком.

— Рубашка! Сделайся мешком!

Все литеры возьму себе.

В мешок скачите, «а» и «б»,

«в», «г», «д», «ж», «з», «и», «к» —

Ложитесь все на дно мешка!

Фита, и ижица, и «я»,

И твердый знак, и мягкий знак...

Вся типография моя!

Давно бы надо сделать так.

Так надо сделать бы давно! —

И бросил он мешок в окно.

Весь день полковника жена

Пытала:

— Где же Увенькай?

Твоя вина, твоя вина.

Мальчишку ты не распускай!

Наказан будет Увенькай, коль скоро он придет

назад.

В свечной завод его отдай — пускай узнает, что

за ал

Еще чернильный есть завод, свечному тоже он

под стат

Пусть поработает там год. Мальчишку надо

наказать!

Вот шубный есть еще завод,

А также фабрика сукна.

Пусть поработает там год!

— Довольно! Не учи, жена!

Сам знаю. —

Сумерки. Луна.

Полковник смотрит из окна

На Омск. За гарнизонным садом,

Где берег выгнулся речной,

Гнилым, горячим дышат смрадом

Заводы — шубный и свечной.

На юг, через солончаки, по направлению к Каратау
 Идут сибирские стрелки, драгуны скачут, казаки
 С кайсаками чинить расправу.
 Сверкают пики и штыки.
 Все глубже в степь идут полки.

Видна из-за реки Сары вершина голубой горы,
 А дальше — розовые горы.
 И офицеру офицер кричит:
 — В горах среди пещер
 Барантаци таятся, воры!

На берегу реки Сары,
 Вблизи понтонных переправ,
 Среди степных колючих трав,
 Сегодня ставятся шатры.
 И ходит около шатров
 Подтянутый, как на параде,
 Поручик отставной Петров — историкограф при отряде.
 — Скажите, прав я иль не прав? — спросил
 Петрова юный лекарь.
 А? Что такое, друг аптекарь? Что вам угодно,
 костоправ?
 Хочу спросить я — от Сары верст десять есть
 до той горы?

Она насколько далека? —

Петров ответил свысока:

— Верст десять есть наверняка,

Коль ехать, а пешком идти —

Так верст сто двадцать есть пути! —

Добавил он, захохотав:

— Бунтовщиков в горах застав, суд учиним мы по
 уставу —

Одних кнутах ислхлестав, других на дыбу, чтоб
 сугаставы

Хрустели б? Верно, костоправ?

Ведь вы потом любой сустав обратно вправите на славу! —

Ответил робко костоправ:

— Нетрудно вывихнуть сустав.

Нельзя на это сделать ставку...

От просвещения отстав,

Педаром вышли мы в отставку!

— Как так?

— А так.

Не палачей,

Иль, говоря грубее, катов,

А нужно в степи толмачей

Да просвещенных дипломатов.

Понятен смысл моих речей? Владычить нужно, розгу
спрятав!

— Э, лекарь! Все чудишь ты, брат.

Вознесся ввысь! Взыграл на лире!

Пойдем-ка лучше к штаб-квартире.

Там можно выпить, говорят.

— Вы ж пили, господин Петров.

— Хочу еще! —

И меж шатров

Они идут. А ковыли кругом трепещут у дороги.

И лекарь снова:

— Степь в тревоге!

А пынче к бунту привели

Весьма тяжелые налоги.

— Нет, лекарь! Порете вы чушь. Не приобыкли вы
к Востоку.

— Помилуйте. Не палачу ж творить политику высоко!
Не государственный вы муж... И пьяны вы, Петров,
к тому ж!

— Что, милостивый государь? Свободомыслие вы
бросьте!

— Идите прочь!

— А ну, ударь! Тебе я поломаю кости!
— Ого! Отведаешь ты трости!
— Под глаз получишь ты фонарь!
Звенят кузнечики в траве. Белеют лагеря шатры.
А у Петрова в голове гуляют винные пары.
— О! У меня прекрасный слух и голова есть
на плечах.
Учуял я мятежный дух в безумных лекарских речах!
Успел наш лекарь прошлый год в Ялutorовске
побывать.
Не зря Апостол там живет, Апостол учит бунтовать.
Якушкин там, и Пущин там. Злоден это!
Целы дни
За Муравьевым по пятам разгуливают они.
Там весь мятежнический совет, еще крамола там жива!
Ентальцев пушечный лафет в завозне прячет за дрова.
Я знаю, лекарь, ты злодей. Ты нахватался там идей!
Я донесу, уведомя! — кричит поручик во хмелю.

5

С гор, как из каменной печи, дохнули ветры горячи.
А на степи озера блещут.
И в душном воздухе трепещут
Солоноватые лучи.
С солончаков идут смерчи.

— Забудь про лекаря, дружок! —
Сказал Петрову есаул. —
Вернемся в Омск на долгий срок.
Его возьмут под караул.
Ну а пока что развлечение
Устроить я тебе хочу —
Артиллерийское ученье,
Пальбу из пушек по смерчу!

Раздался первой пушки гром,
И смерч, пропизанный ядром,
Горячую обрушил пыль
В трепещущий степной ковыль.
И выстрел делают второй.
Поплыла над рекой Сарой
Пыжей воспламененных гарь.

— Пошто ж промазал ты, пушкарь! —

Смерч убегает невредим,
Пороховой клубится дым.

— А ну-ка, раз еще ударь! —

Они палят. А с дальних гор, от смеха прикусив

губу,

Лихой джигит глядит в упор на пушечную стрельбу
через подзорную трубу.

Приобретенная в Китае труба имеет золотая
драконовидную резьбу.

6

С гор, как из каменной печи, дохнули ветры горячи.
А на степи озера блещут.
И в душном воздухе трепещут
Солоноватые лучи.

Скачи, беглец, на юг скачи!
В степях рождаются смерчи.
Вихрь налетит — темно в глазах.
Скачи сквозь вихрь, скачи, казачи!
Приедешь ты в мятежный стан
На склоны гор в гнездо туманов.

— Эй! Уметис, эй, друг Тайман,

Где вы? Мятежных много станов...

— А ты откуда, мальчуган?

— Моя поклажа тяжела:

В мешке трепещут у седла
Шесть тысяч из свинца литых

Тяжелых букв. Тут весь алфавит!
Теперь полковник не расставит
Ни точек, ни запятых!
Постановление и приказ,
Уведомление и указ
Они не наберут сейчас.
Все буквы здесь. У нас! У нас!
— Ого!

Вот это — баранта!
Их канцелярия пуста.
Бездействует станок печатный.
А эти буквы из свинца
Взамен курьера и гонца
Мы скоро пустим в путь обратный!
Из букв рождаются слова,
Из слов рождается молва.
Но что молва?
В Баян-Ауле оружие нужно, а не речь.
Мы эти буквы бросим в печь.
И буквы превратятся в пули.

7

Стоит в горах Баян-Аул.
Оттуда слышен смутный гул — мятежники шумят
в ауле.

— Переливайте буквы в пули! Переливайте буквы
в пули!

— Где гость-толмач?

— Толмач уснул.

— Ты отдохнул ли, Увенькай?

— Я отдохнул.

— Тогда вставай!

Мы просим, с нами побеседуй, о городе Омбы поведай.

Что нового там есть, в Омбы?

Казахские там есть рабы в крепости на Оми?

Их много ль?

Торговать людьми,

Мы слышали, давным-давно правительством запрещено.

Но ведь торгуют все равно!

— Скажи, почем в Омбы сукно? Там можно ли
купить сукна?

— Мы не бывали там давно:

Война!

Война!

Наточены клинки, и приготовлены арканы.

Из юрт выходят старики — седобородые бояны.

Поют. И песнь у них одна:

Война.

8

День зноен был. Ночь — холодна.

Так водится в краю степном.

Над скалами встает луна.

Былое показалось сном.

Виденье — крепость у реки, и типография, и школа.

Хозяйка, что кнутом порола, и книги рваные листки.

Но нет! Не побороть тоски.

Увы! Не побороть тоски, не залечить сердечной раны.

Ну, погодите, старики, седобородые бояны!

Недаром в школе толмачей учился Увенькай три года,

Недаром он не спал ночей...

Постиг искусство перевода.

Был раб. Теперь пришла свобода!

О русский! Я тебя люблю. Ты слышишь, о тебе
скорблю!

Я, упиваясь гордой речью, ее созвучья уловлю

И на восточные наречья переведу все, что люблю.

Я песнь твою переведу,

В большую, в малую орду с твоими песнями пойду.

дет война. Но с кем она?
ог, кто свободу, вольность славил, —
от не сказал нам о войне.
узнец воинственный в огне
звонцовый тяжкий шрифт расплавил.
остановление и приказ они не наберут сейчас.
се буквы здесь. Они у нас!
сдействует станок печатный.
се эти буквы из свинца мы скоро пустим в путь
обратный!
песни вольного певца — из серебра, не из
свинца...

ущельях рокот барабана. Зловещий блеск ружейных
дул.

о песни вольного бояна услышишь ты, Баян-Аул!

РАССКАЗ О РУССКОМ ИНЖЕНЕРЕ

1

В центре города Знойного, в Александровском
сквере,
Храм огромный стоит.
В высочайшие двери
Мог бы, крылья раскинув, влететь небожитель.
Свод просторен, широк. Постарался строитель!
Похоронен он тут же, поблизости храма;
Беспокойные руки скрестил он упрямо
На широкой груди, чтоб век не разжать их;
Он ни в чьих не нуждается рукопожатях.
...Это было во дни Александра Второго.
Над пустынями полымя плыло багрово.
Шло к востоку российское войско. И вскоре
Вышло к стенам Хивы, за Аральское море,
И грозило Коканду из Южной Сибири.
...Деревянное зданье, крупнейшее в мире,
Победители, в память законченным войнам,
Вознамерились выстроить в городе Знойном.

2

Инженер из столицы явился весною.
Прибыл он не один — с молодою женою,
И, оставив жену на заезжей квартире,
Едет сам инженер в голубом вицмундире
К старику генерал-губернатору прямо.
Происходит беседа по поводу храма:
— Деревянным то здание будет недаром, —
Здесь подвержена местность подземным ударам.
Рухнет каменный свод.
По условиям природы
Здесь гораздо надежней древесные своды. —
И сказал генерал: — Принимайтесь за дело,

Чтобы церковь крестами за тучи задела.
Воссияет сей крест на востоке и юге...
До свиданья. Поклон передайте супруге!

3

За работу он взялся. И года в четыре
Деревянное зданье, крупнейшее в мире,
Деревянный собор, величайший на свете,
Он воздвиг.
И жена располнела.
И дети
Появляются в доме. Их нынче уж двое,
И резвятся они, золотые от зноя.
Мальчик с саблей в ручонках, в казачьей папахе,
Лихо ездит по дворику на черепахе.
Длится теплое, светлое южное лето.
В сарафан из китайского шелка одета,
Белокурая дочка идет горделиво
По аллеям садочка. Там яблоки, сливы
Ей денщик преподносит. Зовут его Ванька.
Он и повар, и дворник, и детская нянька.
И к тому ж обладает тончайшим он слухом.
Он туземцами прозван «Внимательным ухом».
Все способен Иван разузнать на базаре:
Как дела в Фергане, что творится в Кашгаре,
Знает горы, где снег даже летом не тает,
Знает степь, где воды и зимой не хватает...
Нет житья без воды кочевому народу!
...И сказал инженер: — Мы добудем им воду!

4

Впередн экспедиции гнали баранов.
По широкой тропе меж песчаных барханов
Мясо, блея, бежало на собственных ножках,

11*

И соленая пыль оседала на рожках.
А вода, пленена в преогромных посудах,
В путь пошла, холодна, позади на верблюдах.
Пересекли пустыню, в аулы приходят,
Держит речь инженер, а денщик переводит.
Говорит инженер: — Господа аксакалы!
Мы в бездомной пустыне пророем каналы.
Вам понятно? Пророем большие канавы!
Их устроим для славы Российской державы.
Будет много воды, сейте рис и пшеницу,
Пусть никто не идет кочевать за границу! —
...Чтоб никто не ушел кочевать за границу,
Инженер рапорта направляет в столицу,
Излагает мечтания пылкие эти,
Прилагает чертеж оросительной сети.
...Но закончился замысел тот неудачей —
Был ответ: «Вы не справитесь с этой задачей.
Инородцы немирны и любят безделье,
И едва ль они примутся за земледелье.
Посему, инженер молодой и горячий,
Потрудитесь вы госпиталь строить казачий,
Чтоб, в карательных кто пострадает походах,
В госпитальной палате обрел себе отдых!»

5

Не хватало железа, кирпич воровали.
Где-то слышал денщик, что стекло продавали
Неизвестные люди кому-то за складом.
Инженер к губернатору ездил с докладом.
Не застал генерала.
В то ясное лето
В город Знойный приехала оперетта.
В силу этих причин старику генералу
От утра до утра было хлопот немало:
Он устроил катанье актрис на верблюдах,

Звал на ловлю форели в горных запрудах,
И тончайшими блюдами кухни джунгарской
Всех певиц угощал он со щедростью царской.
А строитель писал рапортá и доклады...
Толк какой! Пустовали по-прежнему склады.
Но однажды явился военный чиновник.
Он сказал: — Да, я знаю, кто бедам виновник!
Виноваты не вы. Но случились просчеты.
Не вполне оправдались наши расчеты,
Потому и в снабжении нету порядка.
Возводимое нами строение шатко!
Подпишитесь, пожалуйста, под донесеньем,
Что постройка разрушена землетрясеньем! —
Отвечал инженер: — Нет, заведомо стойки
Возводимые мною древесны постройки!
То, что строю, едва ли разрушит стихия.
Знайте, сударь, что шутки со мною плохие!

6

Возвратился домой и жене говорит он:
— Был сегодня мной гнев величайший испытан.
Мне известно, кто вор! Воровал не подрядчик.
Явно вижу теперь я, кто вору потатчик!
О! Не только брильянты милы для певичек, —
Впрок для них и стекло, и казенный кирпичик.
К их ногам недостроенный госпиталь бросим,
А потом преспокойно в столицу доносим:
Что построено было в сезоне весеннем,
То разрушено к осени землетрясеньем!
Неужель, интенданты, вы так небогаты,
Что воруете ныне гроши у солдата?
Нет, друзья сослуживцы! Нет, так не годится!.. —
И за письменный стол он тотчас же садится,
Что-то пишет и пишет весь день неустанно,

А под вечер кричит: — Позовите Ивана! —
Но Ивана нет дома.

7

Несчастье с Иваном:

В кабаке он повздорил, напился он пьяным,
И его, в наказание за дерзость и пьянство,
Повели почему-то в подвал интендантства.
Офицеры явились сюда со спектакля.
Вот засунута в горло Иваново пакля,
Денщика интенданты пинают, ругают,
А потом огнестрельным оружием пугают.
Говорят: — Эх, ты, Ванька! Ты тюха-пентюха,
Слишком острый язык, слишком длинное ухо,
С инженером ты ездил смущать инородцев,
Вам, мол, надо каналов да новых колодцев!
В бунтовские проделки, денщик, ты замешан.
Коль не будешь расстрелян, так будешь повешен! —
Тут взмолился Иван: — Отпустите, простите!
Не казните! И жизни моей не губите!
— Не погубим, коль будешь во всем ты покорен,
Колн нам иссык-кульский добудешь ты корень! —
...Не имеет он запаха, вкуса и цвета,
Корешок иссык-кульский. Но каждое лето
Добывают его каракольские люди
И хранят осторожно в стеклянной посуде.
Если дать ту приправу в еде иль в напитке;
Сохнет враг, подвергаемый медленной пытке.

8

Врач сказал: — Непонятны мне эти припадки,
Что-то вроде тропической лихорадки.
Господин инженер! Не вставайте вы с койки.
Подождут возводимые вами постройки. —

А больному все хуже становится. Бредит,
Повторяет он часто: «Кто едет? Кто едет?
Ревизор это мчится. Он скачет на тройке.
Послан он для ревизии нашей постройки.
Что ж, начните ревизию! Сделайте милость.
Ах, исчезла! Сквозь землю она провалилась.
Провалилась сквозь землю курьерская тройка,
Провалилась сквозь землю вся наша постройка!
Значит, должно теперь подписать донесенье,
Что постройку разрушило землетрясение?»
...Тихо в доме. Прохладно в покинутой детской.
Сын давно в Оренбурге. Он в корпус кадетский
Принят нынче. И с лета туда он направлен.
Дочь сдана в пансион. А отец их — отравлен.

9

Раз остался денщик при больном. Он дежурит,
Сидя возле дверей. Хмуро трубку он курит.
Он сидит, все вздыхая, о чем-то тоскуя,
И внезапно он исповедь слышит такую:
— Государи мои! Не был я легкомыслен.
Я к военному ведомству с детства причислен.
Берьте, некогда было резвиться на воле,
В кантонистской, в суровой учился я школе.
Говорю вам — не пиячилсь много со мною!
Знайте: я, инженер ваш, воспитан казною.
И казна — утверждаю — довольно богата!
Ей постыдно гроши воровать у солдата.
Жажда, жажда томит!
В окна смотрят калмыки,
Говорят: «Обманул! Не провел ты арыки!»
Умеревши, и то не найду я покоя —
В деревянном соборе деревянной рукою
Пригрозит инвалид, искалеченный воин,
Спросит он: «Где же гошпиталь? Что ж не
достроен?» —

Тут поднялся денщик. И, как дикая кошка,
Он усы ошетилил и прыгнул в окошко.
Не посмел проводить инженера к могиле!
...Денщика-дезертира заочно судили.
И была коротка с дезертиром расправа:
Был изъят он из списков живого состава,
Как без вести пропавший в горах Алатава,
Где клокочет под почвой кипящая лава.

1936

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вот ты и перелистнул последнюю страницу первой книги из поэтической серии «В молодые годы». По просьбе издательства ее начал готовить сам Леонид Мартынов. Смерть помешала довести ее до конца. Начатую работу завершила жена и друг поэта Галина Алексеевна Сухова.

Творчество крупного советского поэта, лауреата Государственной премии СССР Леонида Мартынова широко известно в нашей стране и за рубежом. В разные годы вышли десятки его сборников стихотворений и поэм, осуществлено прижизненное издание собрания сочинений.

Наша книга «Река Тишина» — особая. В нее вошли стихи, написанные до тридцати лет, то есть в то время, когда Л. Мартынова называли молодым поэтом.

Раннее творчество Леонида Мартынова совпало с бурными революционными годами, гражданской войной, началом становления Советской власти в Сибири, восстановлением народного хозяйства, созданием первых совхозов в Прииртышье, строительством Турксиба. Все это осмысливалось молодым Мартыновым, воплощалось в газетные материалы, ибо все эти годы, начиная с шестнадцати лет, Мартынов в самой гуще жизни. Он корреспондент нескольких омских газет — «Рабочий путь», «Сигнал», «Сибирский водник». В эти же годы он начинает печататься в журнале «Сибирские огни». Мартынов много ездит по Сибири, пешком пересекает Казахстан по трассе будущего Турксиба, участвует в Балхашской экспедиции, летает над Барабинской степью на агитсамолете, выясняет причины лесных пожаров в Тарском урмани, пишет об ударниках Кузбасса и восстановлении рудников Риддера.

Быстро и действенно откликаясь как журналист на все события, Л. Мартынов одновременно пишет стихи. Эти ранние стихи выросли из прямого столкновения поэта с жизнью.

Много позже Леонид Мартынов напишет, что свои корреспондентские заметки он чаще всего вначале писал стихами, а уже затем переводил в прозу.

Итак, дорогой читатель, ты перевернул последнюю страницу книги стихотворений и поэм молодого поэта Леонида Мартынова. Дальше начинается зрелый, а потом и широко известный мастер советской поэзии Леонид Мартынов. Но с ним другим, в новом качестве, ты познакомишься по другим книгам поэта.

СОДЕРЖАНИЕ

Родился поэтом. — *СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Суббота	9	
«Бегут вассалы Колчака...»	9	
«Выдвинутые подбородки...»	10	
«Вы смеетесь, как будто купаетесь...»	11	
«Мы — футуристы невольные...»	11	
«Зацелованный футурист...»	12	
Провинциальный бульвар	12	
«Ты — нерва спутанный комок...»	13	
Алла	14	
«Ты слушай. Я очень точен...»	14	
«Сахарин — это горькие слезы...»	15	
Баня	15	
Столовка	16	
«Мы залезли на колокольню...»	16	
Ревматизм	17	
«Как много странного...»	18	
Бросьте!	18	
Рассмейтесь!	19	
Мартыны	20	
«Все это было так знакомо...»	20	
Студия стужи	21	
«Позднею ночью город пустынный...»	22	
Серый час	23	
«Между домами старыми...»	23	
Воздушные фрегаты	24	
Балхаш («Я помню...»)	25	
Чаны	25	
Караван	26	

Ты поезд	26	
«Тебе сражаться было не с кем...»		27
Пловец	28	
Сонет	28	
«Застыли в полете четыре весла...»		29
Нежность	30	
Элегия	30	
Сирены	31	
Балхаш («Ой, Балхаш наш...»)		32
«Нещаден для усталых и отстающих...»		33
Шкет	34	
Воспоминания скитальца	34	
«Наш путь в тайгу...»	35	
Голый странник	36	
Грусть	37	
Сахар был сладок...	38	
Норд-ост	39	
Торговцы тенью	40	
«О неведомом и о таинственном...»		40
Огневые лисы	41	
Оттепель	42	
Гипнотизер	43	
Fox-trot	44	
Путь революционера	41	
«О, люди...»	45	
Агасфер	46	
Море было	46	
Северный путь	47	
«Нет у меня дурных предчувствий...»		48
Зеленый луч	49	
Поэты	49	
«Ты меня сменишь и раздражасшь!...»		50
«Писатель слов и сочинитель фраз...»		50
Корреспондент	51	
«На берегу под плакучими ивами...»		53
Скоморох	53	
Послание к музе	54	

«Ты напрасно зовешь...»	55	
«О, я всегда желал тебе удачи!..»		56
Борей	56	
Река Тишина	56	
Зеваки	59	
Летописец	61	
«Чему грозят сухие днища...»		63
Май	64	
Дети вечности	64	
«Ты видел ли, как в час отлива...»		65
Ермак	66	
Мы	67	
Сомненья гоня	68	
«Для чего задумал он со мной...»		69
«О, человек поникший...»	70	
«Да, было время — не было луны...»		70
Подсолнух	71	
Ночные странники	76	
Ледяной плац	77	
«В старой Вологде...»	77	
Кружева	78	
Январка	79	
Поход на восток	82	
Старая Русь	84	
Сон подсолнуха	85	
Ярмарка в Архангельске		86
Рассвет	89	
Вологда	91	
Мис ОБВ	92	
Ясное солнце	95	
Деревья	95	
В мире сорных трав...		98
Утешитель	99	
Крысы	101	
Гость	101	
Храм Мельпомены		103
Душа Иртыша	105	

Пленный швед	106
Финикияне	109

ПОЭМЫ

Адмиральский час	111
Бусы	117
Железнодорожники	120
Сестра	123
Правдивая история об Увенькае	131
Рассказ о русском инженере	162

Мартынов Л. Н.

М29 Реска Тишина: Стихотворения и поэмы. 1919—1936/Предисл. С. Залыгина. — М: Мол. гвардия, 1983. — 174 с. — (В молодые годы).

70 к. 50 000 экз.

Ранние стихи Леонида Мартынова знакомят читателя с ярким самобытным началом его творческого пути. В этих стихах огромный заряд молодости, поэтической силы и дерзости.

М 4702010200—151 217—83
078(02)—83

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 3388

Леонид Николаевич Мартынов

РЕКА ТИШИНА

Редактор Вад. Кузнецов

Художник Н. Крылов

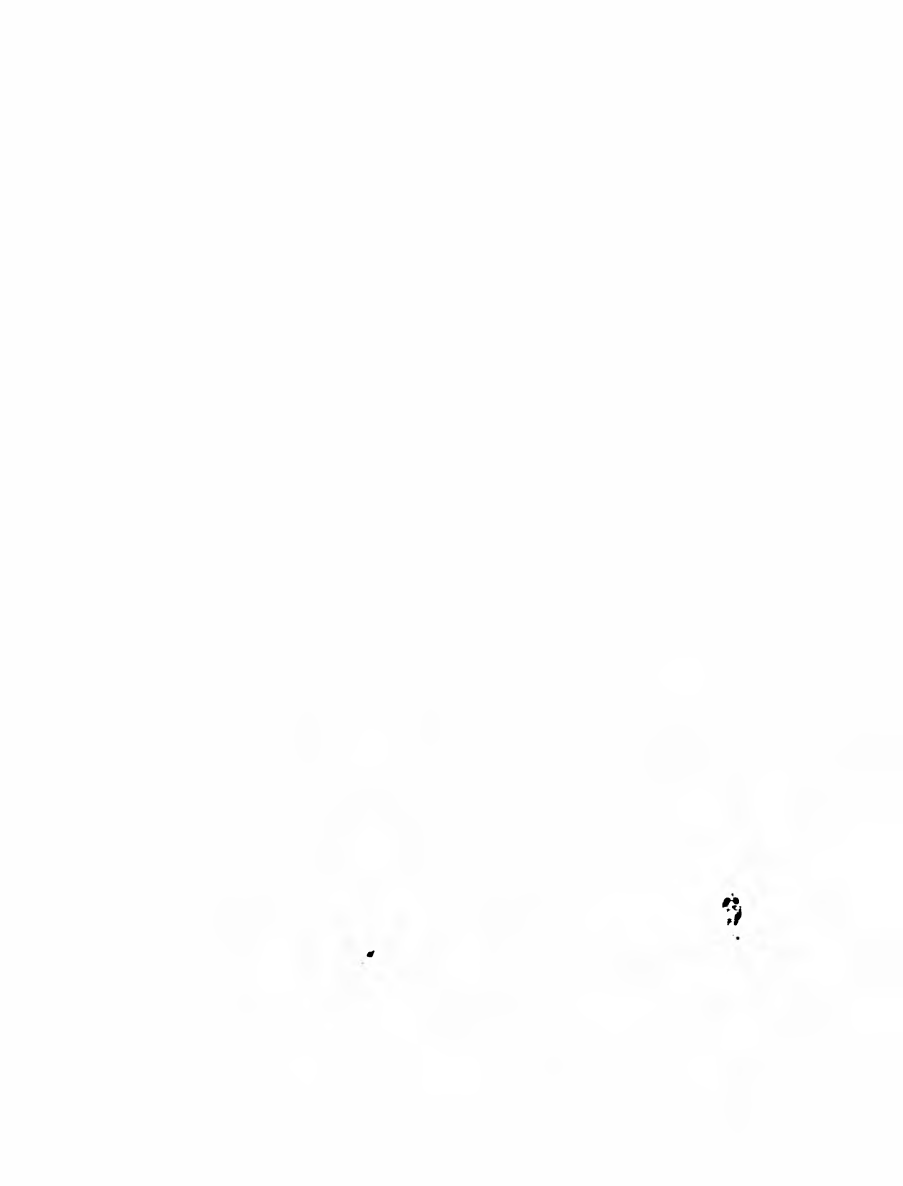
Художественный редактор С. Сахарова

Технический редактор Т. Кулагина

Корректоры Т. Крысанова, Т. Пескова

Сдано в набор 26.11.82. Подписано в печать 24.06.83. А05209.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд.
л. 6,5. Тираж 50 000 экз. Цена 70 коп. Заказ 1844.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

70 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ